

Е 65
39

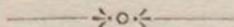
Б. Алмазовъ.

3/v III 53
241

Тайны нашихъ клубовъ.

Цѣна 50 коп.

(КЛУБНАЯ ПАНАМА).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Первой Спб. Трудовой Артели. Лиговская, 34.
1909.

*Оставьте надежду,—во-
шедшіе сюда.*

Данте.

Вмѣсто предисловія.

Вопросъ объ азартѣ, вѣрнѣе—объ искорененіи азвы, называемой увлеченіемъ карточной игрой, за послѣднее время занялъ въ ряду общественныхъ вопросовъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Поднятый впервые въ сословіи петербургской адвокатуры, этотъ вопросъ вызвалъ въ самыхъ различныхъ слояхъ общества живой обмѣнъ мнѣній. Увы, въ средѣ петербургской адвокатуры, какъ и въ обществѣ, азартъ нашелъ себѣ не только противниковъ, но и сторонниковъ.

Можно съ увѣренностью сказать, что число сторонниковъ азарта очень незначительно въ сравненіи съ числомъ противниковъ его. Къ тому же даже и стоящіе за азартъ ни разу не подняли своего голоса въ защиту его, и какъ въ бурныхъ собраніяхъ присяжныхъ повѣренныхъ, такъ и въ обществѣ, единственно спорнымъ вопросомъ является только вопросъ о „правѣ опеки“, о томъ,

вправѣ ли общество, въ частности отдѣльныя корпораціи, запрещать своимъ членамъ участіе въ азартной игрѣ? О вредѣ азарта никто не спорилъ.

Но не „опекать“—идея борьбы съ азартомъ,

Это можно уяснить себѣ изъ многочисленныхъ рѣчей въ общемъ собраніи присяжныхъ повѣренныхъ, рѣчей разумныхъ, вполне обоснованныхъ морально. Въ обоснованности ихъ съ чисто юридической точки зрѣнія гарантируетъ сословіе юристовъ, врядъ ли не оцѣнившихъ серьезности своего постановленія. Имъ, кажется, и... карты въ руки.

Изъ всѣхъ рѣчей въ собраніи петербургскихъ адвокатовъ можно было бы составить краткое резюме, осуждающее азартъ въ корнѣ своемъ. Ибо всѣ рѣчи сводились почти къ одному и тому же, къ дружному кличу, объ искорененіи общественной язвы—азарта. Выдержки нѣкоторыхъ изъ рѣчей я и приведу.

„Нужно радоваться тому, что одинъ изъ наболѣвшихъ вопросовъ нашей современности, вопросъ о картахъ, наконецъ, поставленъ ребромъ“.

„Давно-ли слово „картежникъ“ почиталось столь же оскорбительнымъ, какъ слово „пьяница“, „плутъ“ и т. п. А между тѣмъ, теперь люди до

зари играютъ въ карты, нисколько того не стѣснясь.“

„Когда въ какомъ-либо клубѣ опускаешься на „дно“ его, именуемое карточнымъ помѣщеніемъ, и видишь рядомъ съ юнцами убѣленныхъ сѣдинами старцевъ изъ такъ называемаго общества, понтирующихъ до утра, то невольно ставишь себѣ вопросъ: чему эти почтенные господа учатъ своихъ дѣтей? Ложь въ данномъ случаѣ была бы, пожалуй, предпочтительнѣе правды, но трудно допустить, чтобы можно было отъ домашнихъ постоянно скрывать свое времяпрепровожденіе.

Становясь на всѣмъ доступную платформу чисто-буржуазной морали, невольно задаешь себѣ вопросъ: могутъ-ли такіе отцы учить своихъ дѣтей трудолюбію, если они сами труду предпочитаютъ карты?—Любви къ ближнему, если они сами стремятся обыграть своего ближняго партнера? Могутъ-ли такіе отцы учить своихъ дѣтей нравственнымъ, общественнымъ или гражданскимъ обязанностямъ? Думается, что двухъ отвѣтовъ быть не можетъ. Карты вносятъ разложеніе въ семью, нравственное развращеніе, а за ними и матеріальное разореніе...“

Противъ подобныхъ истинъ врядъ-ли кто-нибудь найдетъ хоть единое слово возраженія. Да и какія

могутъ быть въ данномъ случаѣ возраженія, когда нарисована картина дѣйствительности, печальная, позорная, но все же дѣйствительная „картинка изъ жизни“.

Не мало рѣчей посвящено было въ общемъ собраніи присяжныхъ повѣренныхъ и оцѣнокъ нашего внутренняго положенія. И это тѣмъ убѣдительноѣе должно было подѣйствовать на тѣхъ, чей, хотя и слабый голосъ раздавался противъ постановленія.

„Нищета и болѣзни растутъ, лучшіе города припли въ упадокъ, ниоткуда нѣтъ просвѣта.. А мы играемъ въ карты“.

Пусть эти фразы избиты, шаблонны, пусть это старый, быть можетъ, запылившійся стереотипъ для осужденія всевозможныхъ пороковъ современнаго общества, но искренность и сердечность этихъ словъ даютъ имъ новую силу, усугубляя ихъ значеніе.

Когда требуется чрезвычайное напряженіе всѣхъ общественныхъ силъ, чтобы придти на помощь родинѣ, чтобы предотвратить возможность новыхъ потрясеній... — мы играемъ въ карты...

Но если даже взглянуть на вопросъ не съ высоты этихъ положеній, не съ чисто общественной точки зрѣнія, то и тогда карты подлежатъ

безусловному осужденію. Надо же знать человѣческую психологію. Если человѣку повезло, то онъ никогда этого не объяснитъ слѣпымъ случаемъ, а всегда припишетъ себѣ самому, своимъ явнымъ „достоинствамъ“ или скрытымъ особенностямъ. И онъ продолжаетъ играть. А если ему не повезло, онъ начинаетъ отыгрываться и все больше и больше затягиваетъ на себѣ мертвую петлю“. Этотъ періодъ — стадія отыгрыванія — самый опасный для игроковъ. Такіе періоды въ жизни игрока — этапы къ растратамъ и хищеніямъ, преступленіямъ, доводящимъ ихъ до гибели.

„Мы знаемъ людей изъ общества, которые начинали свою карточную карьеру, такъ сказать, игроками-джентельменами, затѣмъ переходили на положеніе, такъ называемыхъ, игроковъ-араповъ, а кончали ролью тѣхъ игроковъ, которые помогаютъ случаю „ловкостью рукъ“. Тамъ, гдѣ въ самой основѣ отсутствуетъ нравственное начало, тамъ трудно сказать, гдѣ человѣкъ остановится.“

„Въ атмосферѣ азарта легко извращается нравственная перспектива. И для людей, у которыхъ въ боковомъ карманѣ часто вмѣстѣ со своими деньгами лежатъ и чужія деньги,—игра въ карты особенно опасна.“

Но даже тѣмъ стойкимъ изъ нихъ, которые

скажутъ, что они ни при какихъ обстоятельствахъ не въ состояніи перепутать чужія деньги со своими, можно задать вопросъ: хорошо-ли они поступаютъ, отнимая часть своего заработка отъ своей семьи и пуская его на волю случая? Тѣмъ же, которые заявляютъ, что они играютъ счастливо, можно отвѣтить: тѣмъ хуже для нихъ. Согласно-ли съ человѣческимъ достоинствомъ — создавать благополучіе свое и своихъ близкихъ не помощью труда и знаній, а такимъ предосудительнымъ путемъ, какъ обыгрываніе въ карты?..“

Безъ сомнѣнія—нѣтъ.

Но попадая въ тину азарта, люди перестаютъ разсуждать здраво. Какъ человѣкъ совершившій преступленіе, убійство, страдая бессонницей гонитъ прочь отъ себя эти „черныя мысли“, такъ игрокъ боится задуматься надъ тѣмъ что онъ дѣлаеть.

Да и какъ не бояться? Задуматься — значить разсуждать, а вступивши на путь разсужденій, человѣкъ здравомыслящій не можетъ не прійти къ тому же выводу, не можетъ не согласиться съ тѣмъ, что играя въ карты онъ совершаетъ преступленіе; даже не одно, а цѣлый рядъ преступленій: моральное, нравственное, преступленія по отношенію лично къ себѣ, къ семьѣ, наконецъ, преступленіе по отношенію къ обществу, членомъ

котораго онъ состоитъ—такъ сказать, преступленіе общественное.

Причинъ вкорененія, внѣдренія азарта въ различныхъ слояхъ нашего общества много, слишкомъ много. Нѣкоторыя изъ нихъ являются слѣдствіемъ ненормальностей чисто соціальнаго характера.

Но каковы-бы эти причины ни были, азартъ ни въ чемъ не можетъ найти себѣ оправданія.

А осужденіе—во всемъ; и въ слабохарактерности и безвольности человѣческой, а главное—въ халатномъ отношеніи общества, халатномъ до преступности. Ибо азартъ—преступленіе, а общество молча наблюдало за тѣмъ, какъ волны азарта захлестывали лучшихъ членовъ общества, лучшихъ его представителей.

Клубы—это адъ. И подобно надписи въ „Божественной комедіи“ Данте на вратахъ ада, на вратахъ клубовъ, этихъ земныхъ адовъ, слѣдовало бы надписать:

„Lasciate ogni speranza voi ch'entrate“—„оставьте надежду, вошедшіе сюда“...

АЗАРТЪ.

Среди многочисленныхъ факторовъ паденія общественной нравственности, азартъ долженъ по праву занимать одно изъ первыхъ мѣстъ и на ряду съ борьбой съ пьянствомъ, развратомъ и другими пороками, ему, казалось бы, должно быть посвящено особое вниманіе. Въ дѣйствительности же общество, ведя усиленную борьбу съ пьянствомъ и развратомъ, совершенно упускаетъ изъ вида, что главнымъ, порою даже единственнымъ, факторомъ всѣхъ этихъ пороковъ является азартъ. Научныя изслѣдованія причинъ паденія общественной нравственности, думается, въ своемъ конечномъ итогѣ дали бы наглядную картину того, что азартъ—корень зла, зла общественнаго, зла, съ которымъ необходима серьезная и упорная борьба.

И прежде, чѣмъ бороться съ пьянствомъ, развратомъ и другими пороками, общество, безъ сомнѣнія посвятило бы всецѣло свое вниманіе борьбѣ съ азартомъ.

Но какъ это ни странно, азартъ почему то не только не преслѣдуется, общество къ нему не только равнодушно, но даже почти покровительствуетъ ему. И въ то время какъ о пьянствѣ читаются лекціи, учреждаются всевозможныя общества трезвости, изобрѣтаются различные способы уменьшенія пьянства, объ уменьшеніи азарта, не говоря уже о полномъ его прекращеніи, общество почему то и не заботится.

А между тѣмъ азартъ—основная причина паденія общественной нравственности, обѣщающая въ будущемъ полное вырожденіе ея.

Если не считать выступленія группы адвокатовъ на борьбу съ азартомъ, поистинѣ первой ласточки въ этомъ направленіи, то равнодушію общества приходится, положительно, изумляться.

Но и этотъ призывъ людей, познавшихъ за благо—лучше поздно, чѣмъ никогда—объявить войну азарту, остался гласомъ вопіющаго въ пустынь.

Общество не только не реагировало на постановленіе о моральномъ осужденіи азарта, но фактически даже осудило первые шаги въ этомъ направленіи. Иначе и нельзя истолковать то грубое молчаніе, которымъ отвѣтило общество на призывъ, на первый бодрый кличъ адвокатуры; „долой азартъ“.

Единственное и возможное объясненіе тому слѣдующее: тѣ, кто въ сѣтяхъ азарта, въ душѣ, можетъ быть и солидарны съ этимъ постановленіемъ, но слабые волею они не могутъ рѣшиться на „самобичеваніе“; для тѣхъ-же кто не посвященъ въ смыслъ азарта—для нихъ борьба съ нимъ кажется излишней.

Въ этомъ причина равнодушія общества къ борьбѣ съ азартомъ, въ этомъ и его безсиліе въ такой борьбѣ.

Раскрытіе кулисъ азарта, тайны клубовъ, изнанка внѣшней фешенебельности всѣхъ этихъ вертеповъ, громко именующихъ себя „собраніями“, вся неприглядность оборотной стороны этой „медали паденія“, все это наглядно убѣждаетъ въ томъ, что азартъ—высшее зло, зло общественное и борьба съ азартомъ есть попутно борьба съ основной причиной всѣхъ пороковъ: пьянствомъ, развратомъ и т. п.

А главнымъ образомъ — съ преступленіями уголовнаго характера, обязательными „спутниками“ его.

Разсадники азарта.

Единственной и самой главной причиной повального азарта, преимущественно карточного, являются такъ называемые „клубы новѣйшей формациі“. Въ былыя времена, когда этихъ клубовъ не существовало, азартъ носилъ опредѣленный, какъ бы даже кастовый характеръ. Привиллегіей на него пользовались преимущественно представители богатыхъ классовъ: помѣщики, купцы, подрядчики. Разоренія въ этихъ слояхъ общества, бывали не большой рѣдкостью; создавался даже особый типъ „промотавшагося барина“.

Съ организаціей-же клубовъ новѣйшей формациі, этихъ игорныхъ домовъ и притоновъ, гдѣ среди бѣлаго дня совершались и совершаются преступленія, типъ промотавшагося барина отошелъ чуть ли не въ область преданій, уступивъ мѣсто типу „клубныхъ араповъ“.

Характеристики личностей организаторовъ такихъ клубовъ, ихъ темное, порою полное престу-

плений прошлое — достаточная гарантія того, что и нынѣшняя ихъ дѣятельность на клубномъ поприщѣ полна „темноты“ и преступлений.

Починъ въ дѣлѣ насажденія азарта въ Петербургѣ принадлежитъ лицу осужденному чуть ли не въ каторгу, много лѣтъ отбывавшему наказаніе и благодаря манифестамъ въ послѣдствіи освободившемуся отъ заточенія. Помилованный, онъ вернулся на родину, какими-то судьбами ему удалось перемѣнить фамилію, одно произношеніе которой заставляло содрогаться, воскрешая въ памяти преступленіе, съ которымъ фамилія эта была неразрывно связана. И съ новой фамиліей, но со старымъ „порокомъ“, онъ сталъ во главѣ клуба, нажилъ состояніе, а съ нимъ и положеніе. И нынѣ, кажется, съ его именемъ связаны многочисленные рекламы всевозможныхъ предпріятій во главѣ которыхъ онъ стоитъ. Это крупная величина въ коммерческомъ мірѣ. Плохая, но все же... иронія судьбы.

Другой крупный антрепренеръ клуба—недавній преступникъ. Преступленіе, совершенное имъ у всѣхъ еще въ памяти: нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ поджегъ дачу вблизи Петербурга. И поджегъ съ заранѣе обдуманнѣмъ намѣреніемъ; владельецъ дачи погибъ въ пламени пожара, а под-

жигатель воспользовался его состояніемъ. Преступленіе было обнаружено, виновный преданъ суду, отбывалъ предварительное наказаніе въ петербургской тюрьмѣ.

Какимъ-то чудомъ его оправдали. И... онъ открылъ клубъ.

Не менѣе крупное клубное дѣло долгое время находилось въ рукахъ зарегистрированного шуллера, судившагося и осужденнаго за цѣлый рядъ шуллерскихъ дѣяній въ Прибалтійскомъ краѣ.

Вообще, если порыться въ біографіяхъ „прошлаго“ клубныхъ антрепренеровъ, то и не такіе еще „шедевры“ можно было-бы воспроизвести. Но и перечисленныхъ достаточно для поверхностной и выѣшней характеристики всѣхъ этихъ клубовъ новѣйшей формаци.

Организація этого типа клубовъ началась незадолго до 1905 года. Первый клубъ началъ свою дѣятельность съ небольшого масштаба; быстро развиваясь онъ вскорѣ перешелъ въ новое помѣщеніе, снявъ лучшій въ столицѣ домъ. Врядъ ли можно ошибиться, сказавъ, что этотъ клубъ зналъ весь Петербургъ.

И, дѣйствительно. Это было нѣчто сказочно-грандіозное. Въ то время клубы-притоны еще не преслѣдовались администраціей. Игра въ карты

въ этомъ клубѣ, скрывшемъ свою личину за фла-гомъ одного изъ спортивныхъ обществъ, начина-лась съ 1 часа дня и продолжалась непрерывно до 8 час. утра. Безъ малаго—круглая сутки. Подъ-емная машина, доставлявшая игроковъ въ пятый этажъ, нерѣдко отказывалась служить;—даже и ей это было не по силамъ. Въ такіе часы громадная винтовая лѣстница этого дома представляла зрѣ-лище, достойное кисти художника-бытовика.

Топотъ человѣческихъ ногъ по лѣстницѣ ни на минуту не прекращался; люди шли, какъ на богомолье, шли вверхъ и внизъ.

Какіе причудливые узоры расписываль на этихъ лицахъ проклятый азартъ!

Въ клубъ шли съ трудно скрываемыми надеж-дами, почти сіяющіе отъ предвкушенія выигрыша; строились планы, выигрышные куши заранѣе распредѣлялись... А у возвращавшихся по „сту-пенямъ паденія“,—въ большинствѣ случаевъ, ки-слыя мивы, утомленный видъ, меланхолическая задумчивость.

И сколько среди послѣднихъ было такихъ, кто постепенно приносилъ въ клубъ—сначала состоя-ніе, затѣмъ совѣсть, честь, долгъ, зачастую и жизнь?

Азартъ тѣмъ и опасенъ, что бурный потокъ

его уносить человѣка въ невозвратную даль и, коверкая натуру попавшихъ въ его паутину жертвъ, ломаетъ жизнь людей въ основаніи. Люди теряютъ человѣческой обликъ, превращаются въ безвольныя существа. Но безвольныя отречься отъ азарта, уйти отъ него. Вотъ на это у нихъ не хватаетъ воли.

А на проступки, даже преступленія — на это, невѣдомо откуда, воля является и, переходя даже въ энергію, превращаетъ постепенно человѣка въ паразита, въ вреднаго члена общества.

Но не одинъ только упомянутый клубъ-приютъ насадилъ и распространилъ въ массѣ то зло, борьба съ которымъ въ настоящее время является насущнѣйшей потребностью. Лавры дѣльцовъ этого учрежденія не давали спать всему темному и преступному Петербургу.

И вскорѣ, одинъ за другимъ, стали открываться на всѣхъ улицахъ такіе вертепы, капканы общественной нравственности, въ которыхъ люди застрѣвали, губили все человѣческое въ себѣ, нерѣдко и самого себя.

Центральныя улицы столицы покрылись сѣтью клубовъ новѣйшей формаціи. Лучшіе дома были сняты подъ клубы, дѣла которыхъ всегда позво

ляли платить десятки тысячъ за помѣщенія. Одинъ только Невскій проспектъ пріютилъ одно время до 15 подобныхъ вертеповъ.

Первое время эти притоны скрывались за флагами всевозможныхъ спортивныхъ обществъ, яхтъ-клубовъ, охотничьихъ собраний, обществъ велосипедистовъ, автомобилистовъ, лыжнаго, буернаго спорта, эстонцевъ-спортсменовъ и любителей паруснаго спорта.

Уличенные въ подоплекъ своего „спорта“ эти спортсмены „зеленаго поля“ стали скрываться за флагами всевозможныхъ „общественныхъ организацій“ и прежніе спортивные клубы воскресли подъ новыми флагами: интеллигентныхъ труженниковъ, домовладѣльцевъ, фотографовъ, обществъ, всевозможной помощи, вплоть до врачебной и даже похоронной. Не символъ ли смерти чело-вѣка означало собой такое общество, какъ похоронное?.. Въ этомъ былъ глубокой смыслъ. И такъ работали эти клубы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ: ихъ выгонишь въ окно — они влетятъ въ другое.

Никакія репрессіи и административныя гоненія не помогали. Въ періодъ же строгихъ преслѣдованій столичные клубы переносили свою дѣятельность въ дачныя мѣстности петербургской губер-

ни. Шувалово, Лигово, Озерки, Стрѣльна, Колпино и даже Юкки наводнены были одно время такими клубами. Для игроковъ, которыхъ азартъ успѣлъ, что называется, засосать, не существуетъ ни дальности разстоянія, ни неудобствъ передвиженія. Имъ все равно; гдѣ только карты — тамъ будутъ и они.

Антрепренеры клубовъ эту-то психологію игроковъ знаютъ хорошо. И гонимыя въ столицѣ, они создавали свои „укромные уголки“ въ дачныхъ мѣстностяхъ. И не только лѣтомъ, въ сезонѣ, когда клубъ на дачѣ имѣлъ бы хоть кое-какое оправданіе, но и зимой, въ крещенскіе морозы „работали“ дачные „заразные бараки“ и „тифозныя отдѣленія“, какъ называли эти клубы-обираловки.

Организація клубовъ.

Сущность самой организаціи клубовъ крайне незамысловата. Антрепренеръ, пріобрѣтая уставъ какого либо легализованнаго общества, въ которомъ имѣется пунктъ о томъ, что „общество предоставляетъ своимъ членамъ всевозможныя развлеченія, какъ-то: концерты, балы, спектакли, чтенія, различныя игры:—футболъ, домино, кегли, рамсъ и т. п., „игнорируя всѣ пункты устава, кромѣ пункта объ играхъ и, пользуясь „смутнымъ„ указаніемъ на право игры (въ видѣ развлеченія) въ рамсъ, винтъ и т. п. открываетъ на этомъ основаніи азартную игру въ карты. Учредители общества, продавая право на открытіе клуба, получаютъ за это опредѣленную мзду. Чаще всего они приглашаются въ старшины клуба, якобы по выбору общихъ собраній.

Впослѣдствіи на этой почвѣ создалась цѣлая спекуляція: три—четыре учредителя „учреждали“ всевозможныя общества, продавали уставы и сами,

какъ-бы въ качествѣ старшинъ, становились во главѣ этого общества. Такъ какъ для обезпеченія успѣха разрѣшенія общества необходимы были учредители „съ именами“, то таковыми приглашались промотавшіеся клубмэны, титулованные и дипломированные; разные отставные генералы, инженеры, потомственные дворяне изъ бывшихъ людей.

Одинъ отставной генераль, прослывшій растратой тринадцати тысячъ въ кружкѣ какихъ-то любителей, чуть ли не десять обществъ учреждалъ, дойдя постепенно до того, что одно время за свои дѣла чуть было не былъ высланъ изъ предѣловъ столицы.

Такъ какъ по нормальному уставу каждое общество обязуется представлять ежегодный отчетъ доходовъ и расходовъ градоначальнику, то заправили обществъ, въ цѣляхъ сокрытія дѣйствительныхъ суммъ, ввели у себя „двойную клубную бухгалтерію“—частную и казенную; первую для себя, а вторую для администраціи.

До какихъ только курьезовъ не доходила „казенная клубная бухгалтерія“? Одинъ изъ клубовъ, работая непрерывно два года, обогативъ всѣхъ своихъ заправилъ, многіе изъ которыхъ нынѣ въ состояніи взаимнѣ клубовъ открывать банкирскія

и инья финансовыя учрежденія, закрывшись, былъ ликвидированъ администраціей.

И что же дала ликвидація этого богатаго общества, выручавшаго до $1\frac{1}{2}$ —2 тысячъ ежедневно съ входныхъ билетовъ, картъ и кружечнаго сбора?

Тринадцать рублей семьдесятъ шесть коп.

Невѣроятно, но фактъ, запротокотенный въ законномъ порядкѣ полиціей и главнымъ управленіемъ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, куда эта „сумма“, какъ полагается поступила на благотворительныя цѣли.

И это не исключеніе, не случайность. Этимъ кончали и кончаютъ всѣ клубы новѣйшей формаціи, т. е. тѣ именно, которые, положительно, обогащаются за счетъ играющей публики.

Въ каждомъ клубѣ не менѣе 500 играющихъ. Это минимумъ, а максимумъ доходилъ въ свое время, какъ напр. въ Петровскомъ клубѣ, стяжавшемъ себѣ и своимъ заправиламъ извѣстность—вплоть до прокурорскаго разслѣдованія ихъ дѣяній—до 3—4 тысячъ посѣтителей. Это въ тѣ времена, когда клубовъ развелось столько же, сколько и парикмахерскихъ заведеній и когда въ тѣхъ и иныхъ одинаково „стригли и брили“—въ парикмахерскихъ—головы и бороды, а въ клубахъ карманы.

Въ то время рекомендаціи для входа въ клубъ, хотя бы фиктивные, для вида, отошли въ область преданій и лучшей рекомендаціей для приходящихъ былъ полтинникъ, уплачиваемый имъ за право входа въ клубъ. Сборы отъ одной только входной платы достигали нерѣдко нѣсколькихъ сотъ рублей, а то и свыше тысячи.

А сборы съ клубныхъ кружекъ, штрафовъ сборы за карты и т. п.? Клубы давали по нѣсколько тысячъ рублей ежедневнаго валоваго дохода. Расходы по содержанію клубовъ были сравнительно ничтожны и окупались, какъ Петровскій клубъ и др., получаемыми съ аренды вѣшалки и буфета при клубѣ.

А въ результатѣ въ кассѣ клуба при ликвидаціи 13 р. 76 коп.!

Какая же другая квалификація, кромѣ уголовщины, можетъ быть примѣнима къ дѣтелямъ этихъ учрежденій?

Самый типичный видъ экспроприаціи, не типичный и исключительный только развѣ по своей безнаказанности.

„Игроки“ и клубные нравы.

Условія доступа въ эти клубы, вѣрнѣе—полное отсутствіе какихъ бы то ни было условій, свободный доступъ для всѣхъ желающихъ, естественно, сильно отразились на контингентѣ играющей публики. Толпа игроковъ самая разношертная.

Если бы понадобилась точная статистика играющей публики по категоріямъ и соціальному положенію ихъ, возрасту и т. д., то сущность такой статистики свелась бы къ краткому перечисленію неиграющей части населенія.

Ибо играетъ весь Петербургъ, за исключеніемъ дѣтей младшаго возраста.

Въ клубѣ встрѣтите вы и безусаго юношу съ едва замѣтными слѣдами пробивающагося пуха и убѣленнаго сѣдинами старика съ шамкающими губами.

По своему соціальному положенію игроки могли

бы составить энциклопедію родовъ занятій, профессій, существующихъ на всемъ земномъ шарѣ.

Тутъ чиновники, врачи и офицеры, лавочники и инженеры, купцы и артисты, мелкіе служащіе и интенданты, приказчики и коммерсанты, юристы и журналисты, словомъ — представители всѣхъ слоевъ населенія, столь разнообразныхъ по своему составу въ столицѣ.

Въ азартѣ одинаково, при соблюденіи полного равноправія, участвуютъ всѣ націи и народности; счастливое исключеніе составляютъ татары-мусульмане; ихъ по клубамъ или совсѣмъ не видать, или ихъ такъ мало, что они теряются въ общей массѣ остальныхъ игроковъ.

Людей восточнаго типа довольно много, вѣрнѣе—кажущееся большинство, ибо они рѣзко выдѣляются изъ общей массы своимъ акцентомъ въ русскомъ нарѣчій и этимъ обращаютъ на себя вниманіе.

Въ клубѣ они выдѣлены въ особую группу: грузинъ, армянъ, грековъ, сербовъ и черногорцевъ въ клубахъ, гдѣ имена и фамиліи, вообще, не въ модѣ, величаютъ „князьями“, безразлично—князь ли онъ, въ дѣйствительности, или обыкновенный смертный, какъ одинъ торговецъ губками грекъ, котораго всѣ только и знаютъ за „князя“. На этой

почвъ извѣстенъ даже и клубный анекдотъ. Кому-то понадобилось узнать національность одного изъ восточныхъ людей; онъ обратился къ старшинѣ клуба съ просьбой отвѣтить ему на его вопросъ: грекъ ли тотъ, армянинъ, сербъ, или иной національности? Старшина отвѣтилъ: вѣтъ, онъ не сербъ, а... князь.

Вообще, въ клубахъ, въ отношеніи званія, положенія—не принято скупиться. Повышенія — принципъ клубменовъ. Полковника величаютъ „превосходительствомъ“, чиновникъ, если онъ записалъ въ книгу свое званіе: коллежскій совѣтникъ и тотъ сразу титулуется „превосходительствомъ“; управляющаго дѣлами одного барона иначе не звали какъ „баронъ“, а то и „графъ“; въ этомъ никто не разбирается. Да и мѣсто ли тутъ разбираться?

Прапорщика запаса съ Георгіемъ въ петлицѣ величали, правда, въ видѣ милой шутки, фельдмаршаломъ и т. д. Но въ послѣдствіи эти „званія“ оставались за ними въ видѣ клички.

Люди безъ чиновъ и орденовъ—всѣ, почему-то, „доктора“. Этой премудрости еще никто не постигъ и такъ и осталось тайной—почему каждому присвоили въ видѣ клички и нарицательнаго имени—„докторъ“.

— Здравствуйте, докторы!—обычное взаимное привѣтствіе двухъ игроковъ. То же и за игрой. Но гуть уже вмѣсто привѣтствія часто слышишь такія реплики:

— Докторъ, вы стянули чужой рубль!

— Кто, я?

— Да, вы.

— Что вы, докторы! За кого вы меня принимаете? Я никогда чужихъ денегъ не краду со стола...

Это обмѣнъ „фразами“ двухъ клубмановъ изъ араповъ.

И то, что въ частной жизни гнуснѣйшій позоръ, преступленіе, въ клубномъ общежитіи—явленіе какъ бы заурядное и объ этомъ не стѣсняясь, хладнокровно, „объясняются“.

«Арапы».

Какъ и самые вертепы эти, такъ и большинство посѣтителей ихъ—„арапы“, завоевали себѣ въ обществѣ всѣ права гражданства. Арапъ—это кличка, кстати сказать, весьма позорная, которой окрестили многочисленную рать клубныхъ паразитовъ, живущихъ не только клубами, но и для клубовъ.

Это позорное званіе—арапъ, имѣетъ свое историческое прошлое.

Во времена Петра Великаго придворные заводили у себя чернокожихъ камердинеровъ. Петръ Великій, рассказываютъ, поощрялъ это нововведеніе, кстати, очень дорого стоившее. Придворнымъ одно время выдавались даже и субсидіи на обзаведеніе чернокожими прислужниками.

Впослѣдствіи, когда кто-либо изъ промотавшихся придворныхъ нуждался въ субсидіи, то для обезпеченія успѣха своего ходатайства прямо

объ этомъ Государю не заявлялъ, а просилъ отпустить ту или иную сумму „на арапа“.

Словомъ, это было скрытое попрошайничество... жизнь за чужой счетъ.

А нынѣ проигравшихся игроковъ, подбирающихся исключительно попрошайничествомъ въ клубахъ, выслѣживающихъ временныхъ счастливыхъ, которымъ везетъ, и субсидируясь изъ ихъ средствъ, окрестили этимъ „почетнымъ“ званіемъ.

— Онъ играетъ „на арапа“ — въ прямомъ смыслѣ означаетъ:

— Ходить въ клубъ безъ денегъ, а только... съ надеждами. Выиграетъ кто-нибудь—онъ займетъ, самъ попробуетъ сыграть; повезетъ немного—онъ счастливъ, проиграетъ—будетъ ждать слѣдующаго случая занять. И такъ безъ конца, всю жизнь.

Клубы новаго типа только и живутъ арапами и горе тому изъ антрепренеровъ, кого арапы почему-либо бойкотируютъ; клубъ страдаетъ отъ отсутствія игры.

Какъ это ни странно, но они, арапы, несмотря на полное отсутствіе у нихъ наличности „дѣлаютъ игру“ во всѣхъ столичныхъ клубахъ.

Извѣстны случаи, когда самый фешенебельный

клубъ, открываясь, прямо приглашалъ къ себѣ араповъ. Въ одномъ изъ такихъ клубовъ, директора его (старшины) будучи увѣрены въ томъ, что общее собраніе членовъ клуба забаллотировуетъ араповъ, которыхъ, по ихъ мнѣнію, прямо необходимо привлечь въ клубъ, въ своемъ частномъ собраніи (директоровъ) постановили допустить нѣсколькихъ лицъ безъ баллотировки.

По уставу такого рода дѣйствія директоровъ допустимы быть не могутъ и возможны только при рѣшеніи общаго собранія членовъ объ избраніи тѣхъ или иныхъ лицъ въ почетные члены клуба. Въ другихъ же случаяхъ подобныя дѣйствія явно незаконныя, нарушающія основной принципъ права на избраніе въ члены даннаго клуба, даже принципъ выборности, зависящій отъ дѣйствительныхъ членовъ этого клуба.

Но всѣ судьбы клубовъ, всю участь ихъ рѣшаютъ совѣты старшинъ и директоровъ, составляющихъ въ клубахъ поистинѣ какой-то „совѣтъ нечестивыхъ“.

Изъ всей и довольно многочисленной толпы пресмыкающихся по этимъ вертепамъ врядъ ли 15 процентовъ дѣйствительныхъ игроковъ, настоящихъ, такихъ, которые являются въ клубъ съ

большими деньгами и ведутъ крупную игру и даже такихъ, кто хотя и съ малыми, но собственными деньгами. Остальные—всѣ типичные для этихъ вертеповъ „игроки“, завсегдааи ихъ, проводящіе въ клубахъ ночи напролетъ. Эта категория игроковъ состоитъ преимущественно изъ „бывшихъ“ людей, большинство которыхъ давно забросили свои занятія и нынѣ, кромѣ клуба, находятя внѣ всякихъ опредѣленныхъ занятій. Ихъ средства къ жизни—исключительно карты. Въ Петербургѣ такихъ типовъ довольно много. И всѣ они преимущественно изъ класса трудящейся части населенія. Одно перечисленіе ихъ могло бы занять довольно объемистый томъ.

Тутъ и бывший студентъ, давно забросившій мечту объ окончаніи образованія, бывший интендантъ, вкусившій прелесть крупнаго выигрыша, растратившій казенныя суммы, бывший инженеръ потерявшій изъ-за картъ и положеніе, и государственную службу, адвокатъ, исключенный изъ сословія и служащій бесплатнымъ „справочникомъ“ для всѣхъ клубмэновъ, богатый нѣкогда купчикъ, живущій только воспоминаніями о проигранномъ батюшкиномъ наслѣдствѣ; словомъ—все люди, но бывшіе люди.

Среди араповъ много и подонковъ общества, даже преобладающее большинство.

И этому всецѣло виною легкость доступа въ клубы, объединившей эти вертепы съ улицей. Въ нихъ хлынула улица. Малосостоятельная часть населенія — приказчики, конторщики, чиновники и мелкіе служащіе — всѣ шли въ клубы счастья попытать. Небольшой первоначальный выигрышъ быстро вскружить голову; легкость наживы приводитъ къ разсужденіямъ, изъ которыхъ заключеніе выводится въ большинствѣ случаевъ одно: зачѣмъ служить, работать и трудиться, когда одинъ удачный вечеръ въ клубѣ можетъ превзойти мѣсячный окладъ жалованья?

Почти обычно первое время везетъ и это тѣмъ болѣе убѣждаетъ въ правильности подобныхъ разсужденій о замѣнѣ своей прежней профессіи игрой въ клубѣ. Но розовые взгляды на клубъ быстро испаряются, настаетъ полоса невезенія... Тогда, о тогда, сколько вечеровъ приходится ждать, сколько бессонныхъ ночей проводить въ чайни получить кушъ, меньшій прежняго мѣсячнаго оклада? Но все это переносится и сравнительно легко. И для окунувшагося въ клубную атмосферу нѣтъ возврата къ прошлому, почти безъ исключенія всѣ они остаются долгіе годы

при клубахъ, забывъ не только свое безчестное занятіе, но и дорогу къ честному труду.

Многіе арапы находятся на службѣ у клуба, вѣрнѣе—у старшинъ клуба, которые вступаютъ съ ними во всевозможныя сдѣлки, называемыя на клубномъ жаргонѣ „комбинаціями“.

Доходя до этой ступени паденія, арапы—бывшіе люди—окончательно гибнутъ, превращаясь уже въ шулеровъ, обыгрывающихъ довѣрчивыхъ игроковъ „навѣрняка“.

Отсюда берутъ свое начало не одно только преступленіе въ родѣ поджога дачи, отравленія съ корыстной цѣлью и т. п. Арапы—это прихлебатели клубовъ, паразиты для игроковъ. Всевозможныя „комбинаціи“, устраиваемыя арапами попадающимъ въ ихъ когти игрокамъ-пижонамъ (довѣрчивымъ новичкамъ на этомъ поприщѣ), доводятъ не одинъ десятокъ людей до разоренія, растраты, а затѣмъ уже и самоубійства.

Они же какъ злая пьявки, насосавшись вдоволь, высосавъ всѣ соки изъ игрока безъ остатка, разбухшіе отваливаются отъ своей жертвы какъ пьявки отъ человѣческаго организма, предоставивъ ее судьбѣ и самой себѣ. И разница между пьявками и этими людьми лишь одна: пьявки, на-

сосавшись человѣческой крови, гибнуть, часто спасая этимъ жизнь человѣка; отъ этихъ же пьявокъ - людей гибнетъ тотъ, кого они высали...

А они, эти арапы, благоденствуютъ за счетъ чужого несчастья.

Для арапа превращеніе игрока въ арапа-какое-то наслажденіе; для арапа такое „занятіе“ своего рода спортъ и каждый изъ нихъ гордится увеличеніемъ числа араповъ, ставя каждую новую жертву себѣ въ личную заслугу.

Психологически не трудно уяснить себѣ это: увеличеніе кадра араповъ, каждая новая жертва—удовлетвореніе личнаго самолюбія арапа, его уязвленнаго человѣческаго чувства. Тѣмъ болѣе, что всѣ эти „жертвы“ гнуснаго порока—азарта вполнѣ сознаютъ свое нравственное паденіе, но сознаютъ тогда, когда выкарабкаться изъ этой ямы выше ихъ силъ, не хватаетъ силы воли.

И они продолжаютъ оставаться „на днѣ жизни“, втягивая въ свою берлогу все новыя и новыя жертвы.

Жертвы азарта.

Жертвъ нашихъ клубовъ много, очень много; ровно столько-же сколько и посѣтителей клубовъ. И всѣ они въ одной категоріи — жертвъ азарта. Въ дѣйствительности далеко не всѣ могутъ по праву быть названы этимъ, полнымъ какого то сожалѣнія, не то пощады и оправданія, званіемъ. Правда, среди игроковъ много печальныхъ случаевъ паденія. Это адвокатъ, исключенный изъ сословія за растрату денегъ своихъ кліентовъ, офицеръ оставившій полкъ по суду офицеровъ за неблаговидныя и недостойныя военнаго мундира поступки, инженеръ, имѣвшій всѣ шансы на высшую государственную должность и принесшій на алтарь карточного стола свою блестящую карьеру, можетъ быть даже министерскій портфель. Или „бывшій“ студентъ, которому клубъ замѣнилъ учебное заведеніе и, не окончивши образованія онъ замѣнилъ курсъ университетскихъ наукъ „науками клубными“.

Бывшихъ студентовъ въ клубахъ, сравнительно, много. И въ ихъ несчастіи главную роль сыграли клубы новѣйшей формациі. Въ уставахъ этихъ клубовъ хотя и предусмотрѣно запрещеніе допущенія въ нихъ учащихся, но всё они игнорируютъ этотъ пунктъ и въ обходъ его допускаютъ студентовъ въ штатскомъ платьѣ. Были и такіе клубы, въ которые допускались гимназисты, и даже не старшихъ классовъ. Заботы заправиль клуба въ смыслѣ распространенія заразы азарта пошли такъ далеко, что при клубахъ устраивались спеціальныя гардеробныя штатскаго платья, дававшася напрокатъ учащимся.

Какъ и въ жизни всѣхъ игроковъ бываетъ мимолетное счастье, такъ случилось и съ однимъ изъ студентовъ. Онъ выигралъ нѣсколько тысячъ. Вѣсть о „счастьи коллеги“ быстро облетѣла студенческую среду и многіе изъ нихъ рѣшили и свое счастье попытать.

Теперь всё они уже „бывшіе студенты“ изъ серіи интеллигентныхъ араповъ.

Ихъ то безусловно надо отнести къ жертвамъ азарта, даже печальнымъ его жертвамъ.

Но сколько среди этихъ жертвъ и такихъ, которыя благодаря клубу, что называется въ люди вышли, сдѣлались „интеллигентами - аристокра-

тами“, членами золотой компаніи столичныхъ жуировъ?

На набережной, на островахъ, въ шикарныхъ пролеткахъ на пневматическихъ шинахъ, въ цилиндрахъ и смокигахъ, въ лучшихъ шантанахъ и ресторанахъ, на балахъ, въ театрахъ въ первыхъ рядахъ — всюду гдѣ веселится унылый петербуржець, арапа обязательно встрѣтите. Они и есть столичные прожигатели жизни.

Изъ бывшихъ приказчиковъ, наборщиковъ, портныхъ, фармацевтовъ, и людей безъ опредѣленныхъ занятій образовалась эта группа паразитовъ общества, живущихъ „безъ труда и безъ заботъ“ вольготно и хорошо.

Клубъ для этого типа людей—банкъ. Они приходятъ не играть, не выиграть, а раздобыть красненькую, часто и больше. Богатый опытъ и навыкъ къ своему дѣлу у этихъ людей! Въ клубахъ обширное знакомство, ихъ всѣ знаютъ; занимаются они мнимымъ участіемъ въ игрѣ: сами не участвуя они увлекаютъ въ игру денежныхъ игроковъ, помогаютъ имъ рассчитывать съ партнерами. И горе выигравшему при помощи такого „разсчетчика“! Онъ не отстанетъ отъ него, не подѣлившись суммой выигрыша. Отъ проигрыша арапы застрахованы, ибо у нихъ ничего никогда

нѣтъ. Въ клубъ они являются безъ гроша, раздобудутъ деньги—уѣзжаютъ, и, проведя нѣсколько пріятныхъ часовъ въ шантанахъ съ женщинами, за виномъ, флиртомъ и т. п. они возвращаются въ клубъ за новыми деньгами. И такъ безконечно. Правда, бываютъ времена когда арапы ходятъ сонные, какъ облѣзлыя кошки, вымаливая на ужинъ и на извозчика. Это въ худшія времена. Въ большинствѣ же случаевъ они прекрасно устраиваютъ свою „жизнь“, если это можно вообще назвать жизнью и устройствомъ ея.

Клубомъ, однако, живутъ очень многіе, Но не игроки,—тѣ только средства къ жизни другихъ,— а арапы. Они умѣютъ устраиваться какъ то беззаботно: будучи не у дѣль—проживать по нѣсколько тысячъ въ годъ, разѣзжать на „собственныхъ“ и т. д. Вообще, сложная штука—жизнь арапа.

Почти у cadaго изъ нихъ имѣется дама сердца изъ демидонда. Какъ онъ, такъ и она ни передъ чѣмъ не останоятся и никакія средства не чужды имъ, нѣтъ не только безгливости въ разборѣ средствъ, но и страха передъ преступленіемъ, когда „арапская семья“ нуждается въ деньгахъ.

Каждой изъ дамъ полусвѣта нуженъ свой „апапъ“. А ихъ ни въ какой средѣ не отыщете такъ легко какъ среди араповъ-игроковъ.

Есть среди араповъ, опустившихся до этой низшей ступени паденія, правда, и люди изъ общества, съ образованіемъ, изъ семействъ для которыхъ такой сынъ—черное пятно въ семейномъ альбомѣ. Но ихъ, сравнительно, мало. Большинство же такихъ, для которыхъ положеніе арапа—высшее благо, о которомъ онъ могъ только мечтать.

Да и въ самомъ дѣлѣ! Приказчикъ гостиннаго двора, типографскій ученикъ-наборщикъ, портной, вокзальный конторщикъ. Развѣ могъ думать онъ, что когда либо попадетъ въ такое общество, съ которымъ встрѣчаешься въ клубѣ? Тутъ вѣдь всѣ. Онъ и съ генераломъ здоровается за руку, съ полковникомъ ужинаетъ, съ извѣстнымъ адвокатомъ за панибрата, а главное—свой человѣкъ, чуть ли не хозяинъ клуба.

Большую роль въ сближеніи этихъ подонковъ общества съ его „чистой половиной“ играютъ женщины. Женщины въ клубахъ увеличиваютъ преступность азарта.

«Больные люди».

Нерѣдко приходится въ разговорѣ съ игроками на тему объ азартѣ услышать: Да! Мы, игроки, больные люди.

Больными признаетъ ихъ, къ сожалѣнію, и часть общества. Но можно-ли назвать жажду къ легкой наживѣ, желаніе обогатиться за счетъ чужого несчастья, болѣзнию?

Правда, среди игроковъ есть „люди привычки“, которые безъ азарта жить не могутъ. Такихъ изрядное количество. Но ихъ то нельзя причислить ни въ коемъ случаѣ къ типу игроковъ, араповъ; они же и не больные люди. Годами привыкшіе проводить время за картами, въ клубахъ, они, не переставая заниматься своимъ дѣломъ, параллельно съ этимъ играютъ и въ карты. Они-то и самые злосчастные игроки; аккуратно посѣщая клубы, несутъ въ нихъ по мелочамъ всѣ свои заработки, ограничивая личныя потребности самымъ что ни есть необходимымъ. Такіе люди, если они къ не-

счастью еще и семейные, то, страдая сами, они заставляют страдать и свои семьи.

Загляните 20-го числа въ эти вертепы. Сколько народу въ нихъ мечется какъ угорѣлые? И все это люди „20 числа“ чиновники разныхъ учреждений. Въмѣсто семьи, удовлетворенія ея нуждъ они со службы, всѣ съ новыми ассигнаціями изъ казначейства, аккуратно сглаженными трехрублевками, являются „сразиться“ на зеленомъ полѣ.

А дома семья безъ гроша, порою не только дровъ но и сапогъ нѣтъ.

Лучшимъ подтвержденіемъ служить рядъ писемъ, полученныхъ с. петербургскимъ градоначальникомъ въ періодъ закрытія цѣлаго ряда клубовъ въ 1908 году.

Жены, матери и семьи игроковъ изъ чиновничества приносили свою искреннюю благодарность за закрытіе клубовъ, въ которыхъ ихъ кормильцы проигрывали все свое жалованье, оставляя семью на произволъ судьбы.

Произведите анкету по вопросу о закрытіи клубовъ и девять десятыхъ населенія, безъ сомнѣнія, выскажутся за закрытіе ихъ. Даже болѣе — они будутъ просить объ этомъ.

Ибо клубъ, карты, а съ ними связанныя бессонныя ночи, разгульный образъ жизни, деморали-

зируютъ не только одну свою жертву, но вмѣстѣ съ нимъ и рядъ побочныхъ жертвъ—цѣлыя семьи. Человѣкъ теряетъ понятіе о деньгахъ, перестаетъ дорожить легко пріобрѣтенными выигрышами, постепенно привыкаетъ къ этому и въ послѣдствіи не дорожить уже не только своими собственными деньгами, но и чужими.

Отсюда и многочисленныя злоупотребленія, растраты и хищенія—казенныхъ суммъ чиновниками, и частныхъ — служащими въ разныхъ предпріятіяхъ.

Бухгалтеръ юго-восточной желѣзной дороги Поникаровскій доведенъ былъ картами до растраты нѣсколькихъ сотъ тысячъ, угодили на скамью подсудимыхъ и осужденъ на много лѣтъ. И онъ, далеко, не исключеніе. Поникаровскихъ въ большомъ и маломъ масштабѣ очень много.

И если общество такъ ужъ милосердно, что благодушно относить ихъ къ категоріи больныхъ людей, то необходима и послѣдовательность: для леченія больныхъ есть средства, больницы, клиники, а не каторга и тюрьмы, куда ихъ отправляютъ.

Почему же общество не только равнодушно наблюдаетъ за всѣми этими „страдающими маніей пребыванія въ домахъ заключенія“ и порою очень

довольно остается подобными „командировками“ больныхъ своихъ сочленовъ въ мѣста „отдаленныя“?

Часто приходится слышать: такъ ему и надо; пусть не проигрываетъ чужихъ денегъ. Такъ говорили о Поникаровскомъ, говорили въ такихъ случаяхъ до него и, вѣроятно, будутъ говорить и послѣ.

Любилъ, молъ, кататься — люби и саночки возить; любилъ проигрывать, съ женщинами прокучивать чужія тысячи, такъ прокатись по тюрьмамъ и каторгамъ. И долго-ли еще общество будетъ въ роли зрителя своего же собственнаго несчастья?

Простодушный малороссъ, видя какъ кумъ его при переходѣ черезъ рѣку провалился сквозь ледъ, и, утопая въ проруби выбивался изъ силъ, хватаясь за скользящія льдины, ничего лучшаго не нашель, какъ посовѣтовать:

— Не тратьте, куме, силы, идите на дно...

И давъ куму утонуть, онъ заголосилъ на всю деревню:

— Спасайте, люды добрі, кумъ утонулъ!..

Но было, конечно, поздно. Такъ и часть общества; давъ утонуть большинству своихъ членовъ, они завопили: спасайте утонувшихъ въ гнусномъ порокѣ — азартѣ!

Но... „деревня“—общество—отвѣтило гробовымъ молчаніемъ. Утонули, молъ, и ладно; все равно не спасти.

А вѣдь можно, если не спасти, то предупредить подобные случаи въ будущемъ. Стоитъ только запретить ходить по льду и несчастныхъ случаевъ не будетъ, или въ худшемъ случаѣ они будутъ рѣдки.

Клубныя дамы.

Азартъ въ женскомъ обществѣ—тоже одна изъ „заслугъ“ клубовъ новѣйшей формаци. Изобрѣтательные клубные тузы изъ тѣхъ, которые недавно сняли „сѣрые халаты съ бубновыми тузами“ на спинѣ, додумались и до допущенія женщинъ въ клубы. Въ обходъ всяческихъ уставовъ первымъ на борьбу за... равноправіе женщинъ въ азартѣ выступилъ все тотъ же Петровскій клубъ.

Не трудно, конечно, догадаться, кто составлялъ контингентъ играющихъ дамъ. Это были демимонденки, кокетки и содержанки; за ними послѣдовали „свободныя женщины“ второго и третьяго разряда, аборигентки столичныхъ шантановъ, кабаковъ, многочисленныхъ кофеенъ. Дни „блаженства“ дамъ были, правда, коротки: азартное равноправіе упразднили, сравнительно, скоро.

Но что дѣлалось въ Петровскомъ, Бочаговскомъ и иныхъ клубахъ? Прежніе притоны азарта быстро превратились и въ притоны разврата. Всю-

ду давка, тѣснота, женщины въ перемежку съ мужчинами; крики, ругань, брань.

Этой эпохѣ приписывается не мало самоубійствъ. Петровскій клубъ прославился и въ этомъ отношеніи громкой исторіей, столь обычной въ средѣ «милыхъ» созданій: одна изъ такихъ женщинъ облила сѣрной кислотой недавняго кумира своего сердца.

Когда дѣло это слушалось, клубмѣны переполнили окружный судъ и съ затаеннымъ любопытствомъ ожидали послѣдняго слова подсудимой.

— Я признаю себя виновной въ томъ, что облила его сѣрной кислотой,—заявила, съ присущей такимъ женщинамъ развязностью, подсудимая;—я изуродовала его, кислота оставила слѣды на лицѣ. Но какъ должна была я поступить? Выслушайте меня гг. судьи и мой поступокъ найдетъ себѣ оправданіе; я увѣрена, что со мной согласится всякій, согласитесь и вы, гг. судьи.

— Я была молода, меня любилъ человѣкъ, съ которымъ я была въ болѣе, чѣмъ въ близкой связи. Были у меня и довольно крупныя сбереженія. Я встрѣтила этого клубнаго арапа, онъ сталъ ухаживать за мной, клялся въ любви, плакалъ, умолялъ осчастливить его. Молодое самолюбіе было польщено, я сошлась съ нимъ. Онъ

сталъ водить меня въ клубъ, сначала самъ игралъ на мои деньги, затѣмъ и меня научилъ этой премудрости. Вскорѣ, конечно, мы остались безъ денегъ. Пошли заклады брилліантовъ. Онъ жилъ на полномъ иждивеніи у меня. Едва только деньги у меня кончились — онъ сталъ охлаждѣвать постепенно. Къ тому времени приближалось и мое материнство. Вмѣсто сочувствія — семейныя сцены, угрозы бросить меня и, наконецъ, — открытое ухаживаніе за другими женщинами. И я рѣшила отомстить ему за это.

Далѣе подсудимая заявила: гг. судьи! Я не первая его жертва, а пятая, и всѣхъ онъ сначала обиралъ, жилъ на ихъ деньги, а обобравши — бросалъ.

Попутно подсудимая раскрыла завѣсу клубовъ-притоновъ, показавъ всю ихъ преступную неприглядность.

Ее оправдали.

Не есть ли это оправданіе прямое осужденіе притоновъ, являющихся главнымъ факторомъ подобныхъ преступленій?

Петровскій, Бочаговскій, Дмитровскій и другіе клубы — это были притоны, входя въ которые инстинктивно хватаешься за карманы и ищешь надписи: „берегитесь карманныхъ воровъ“.

И недаромъ послѣ крупной кражи, убійства или покушенія, наши „Пинкертонъ“ являлись первымъ дѣломъ въ эти учрежденія. Кетати, нѣсколько преступниковъ здѣсь именно и были обнаружены.

Отъ дамъ полусвѣта и кокотокъ всѣхъ ранговъ, страсть къ азарту переняли, какъ моду, наши свѣтскія дамы. И нынѣ для нихъ, за отсутствіемъ возможности играть въ карты, учредили „лото“—дѣтскую игру, доведенную до культа азарта.

Примѣру клубовъ-притоновъ послѣдовали, въ погонѣ за увеличеніемъ доходовъ, и болѣе фешенебельные, болѣе приличныя на первый взглядъ клубы. И имъ „въ заслугу“ нельзя не поставить объединенія кокотокъ съ дамами свѣтскими, такъ сказать изъ общества.

„Приличные на первый взглядъ клубы“ — такое опредѣленіе не можетъ не казаться страннымъ. Въ дѣйствительности такъ оно и есть. Эти клубы сохраняютъ внѣшнее приличіе, чему не мало способствуютъ роскошные княжескіе и графскіе дворцы-особняки, въ которыхъ они раскинули свои сѣти азарта. „Внутреннее“ этихъ клубовъ ничѣмъ почти не отличается отъ клубовъ-притоновъ, а вина устроителей такихъ клубовъ усугубляется, ибо то, что можно простить бывшему каторжнику,

отравителю или поджигателю, врядъ - ли достойно и допустимо для людей, претендующихъ на званіе порядочныхъ и честныхъ, даже уважаемыхъ гражданъ. Ихъ преступленіе въ данномъ случаѣ значительно усугубляется...

За кулисами клубовъ.

Кулисы клубовъ—это вариантъ кулисъ мошенническаго притона. При первомъ ознакомленіи съ тѣмъ, что творится во внутренней организаціи всѣхъ этихъ наружно - комфортабельно обставленныхъ учреждений, невольно у каждаго до сего новопосвященнаго и непрічастнаго къ симъ дѣламъ, возникаетъ вопросъ:

Гдѣ прокуроръ, гдѣ судебный слѣдователь? Вѣдь тутъ у нихъ работы по горло. Французская знаменитость — Горонъ, этотъ геній пинкертоновщины, въ нашихъ клубахъ нашель бы широкое поле для своей дѣятельности, легкое и доступное благодаря ихъ открытой „работѣ“, благодаря тому, что дѣйствуютъ они легализованно, такъ сказать—на законномъ основаніи.

Насколько это возможно, постараюсь приподнять завѣсу, вывернуть на изнанку скрытую отъ глазъ общества закулисную дѣятельность всѣхъ клубовъ.

Читатели изъ тѣхъ, кто можетъ „гордиться“ лучшимъ знаніемъ кулисъ клубовъ, безъ сомнѣнія, замѣтятъ съ ироніей:

— Какіе это кулисы клубовъ? Это ихъ лицевая сторона.

— Мы еще и не такія „дѣла“ знаемъ.

Но пусть ихъ знаютъ. Для общества и приводимаго ниже достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о клубахъ, ихъ заправилахъ, клубныхъ дѣлахъ, о такъ называемыхъ „комбинаціяхъ“.

Едва ли будетъ голословнымъ заявленіе о томъ, что во всѣхъ, безъ исключенія, клубахъ, большихъ и малыхъ, фешенебельныхъ и низшаго разряда существуютъ, такъ сказать водятся, шулера. Достаточно вспомнить недавнюю исторію обнаруженія подмѣна картъ въ первомъ въ столицѣ клубѣ. Точно также памятна еще всѣмъ исторія съ обнаруженіемъ шулера - аристократа въ другомъ изъ клубовъ перваго ранга. Уличенный, онъ бѣжалъ изъ клуба и дома пустилъ себѣ пулю въ лобъ. И чѣмъ ниже рангомъ клубы, тѣмъ больше нечестныхъ игроковъ-шулеровъ. Но это врядъ ли можно было бы поставить въ вину заправиламъ клубовъ, если-бы оно дѣлалось помимо ихъ вѣдома.

Но въ томъ - то и суть, что шулера всегда въ стачкѣ съ заправилами старшинами, дѣля съ ними

добытые такимъ путемъ деньги. И это не въ клубахъ - притонахъ только, а во всѣхъ, почти безъ исключенія, существовавшихъ ранѣе и нынѣ благополучно здравствующихъ.

Примѣровъ можно привести сколько угодно изъ жизни клубовъ. Но я ограничусь приведеніемъ ихъ по одному на каждый такой клубъ.

Взять хотя бы случай, въ свое время опубликованный уже въ печати. Это было еще въ дни „царства дамъ“ по клубамъ.

Подойдя къ одному изъ многочисленныхъ столовъ, дама поставила кушъ. Открыли карты—проиграла.

Она повторила ставку—опять проигрышь. И такъ до тѣхъ поръ, пока кто-то изъ „свѣдущихъ“ игроковъ не шепнулъ ей:

— Зачѣмъ вы ставите здѣсь? Неужто вамъ денегъ не жаль?

Дама сообразила что за столомъ идетъ обыгрываніе навѣрняка и подняла шумъ. Явился дежурный старшина, даму окружили со всѣхъ сторонъ любопытные.

Выслушавъ ея жалобу, старшина укоризненно замѣтилъ:

— И зачѣмъ вы за этотъ столъ явились? Что, у васъ другихъ столовъ нѣтъ... Не знаете, что-ли?..

Послѣдній укоръ ясно доказываетъ, что дежурный старшина зналъ не только что обыгрываютъ навѣрняка, но даже опредѣленно и лицъ, занимавшихся у него въ клубѣ этимъ дѣломъ. И онъ допускалъ ихъ въ клубъ. Даже болѣе—они „дѣйствовали“ подъ покровительствомъ и прикрытіемъ всѣхъ заправиль клуба, такъ какъ выдѣляли имъ опредѣленный процентъ съ своихъ такихъ „выигрышей“.

Въ другомъ клубѣ дѣло обыгрыванія организовано было еще проще: за однимъ изъ столовъ усаживались четыре шулера, обыгрывали публику и направлялись въ контору клуба, такъ называемую „комитетскую“, гдѣ дѣлились со старшинами.

„Складки“ талій, подмѣнки ихъ заранѣе приготовленными въ боковомъ карманѣ или на стулѣ между ногъ, подтасовки—обычное явленіе въ клубахъ. Одинъ изъ шулеровъ, поднимаясь со стула, забылъ о томъ, что у него скрыта талія картъ. Едва только онъ тронулся съ мѣста, какъ сложенные аккуратно на стулѣ карты рассыпались по полу.

Скандалная вышла тогда исторія! Объ этомъ клубный міръ долго говорилъ и только заправилы клуба старались забыть этотъ „проклятый инцидентъ“, предать его забвенію.

Прошло нѣкоторое время и тотъ же шулеръ

возобновилъ посѣщенія того же клуба. И съ согласія, можетъ быть даже по просьбѣ самихъ старшинъ, для которыхъ отсутствіе „шулерскихъ дѣлъ мастера“ было матеріально маловыгодно...

Шулера, надо отдать имъ должное, очень изобрѣтательны. Случилось какъ-то завлечь въ одинъ изъ клубовъ богатаго харбинскаго лѣсопромышленника. Его надо было обыграть. Но какъ? Человѣкъ онъ былъ, что называется, опытный и ни на какія удочки долго не подавался. Но и его обыграли, какъ липку ободрали. И какъ?

Усадивъ его за столъ „метать отвѣтъ“, шулера приготовили карты такъ, чтобы онъ только проигрывалъ. Готовая талія картъ (въ этомъ дѣлѣ участвовали, конечно, и старшины, дали карты съ клубнымъ штемпелемъ и т. д.) была скрыта подъ коробку отъ шоколада, лишенной дна. Когда очередь дошла до лѣсопромышленника, партнеръ, какъ полагается, стасовавъ карты, передалъ ихъ ему; сидящій направо отъ играющаго „прорѣзалъ и снялъ“ колоду и лѣсопромышленникъ взялъ въ руки готовые уже карты, намѣреваясь пригласить игроковъ обычной фразой: „дѣлайте вашу игру“—поставить свои ставки.

Но въ это время, по заранѣе обдуманному плану, одинъ изъ игроковъ обращается къ лѣсопромыш-

леннику съ просьбой размѣнять сто рублей. Тотъ выкладываетъ карты изъ рукъ и мѣняетъ деньги. Тѣмъ временемъ, сидящій наготовѣ съ шоколадной коробкой, рядомъ съ играющимъ, быстро приподымаетъ коробку, оставляетъ на столѣ приготовленную проигрышную талію и той же коробкой накрываетъ, выложенную изъ рукъ играющимъ, бывшую въ игрѣ талію картъ.

Покончивъ съ размѣномъ, лѣсопромышленникъ, ничего не подозрѣвая, сталъ сдавать карты. Шулера же, обступивъ столъ, стали ставить не только наличные деньги, но портсигары, копилки, бумажники, объявляя: „копилка идетъ за 500 руб.“ и т. д.

Такъ продѣлывали съ нимъ нѣсколько вечеровъ сряду, оставивъ его въ результатѣ безъ крупныхъ денегъ, полученныхъ имъ отъ какой-то фирмы въ столицѣ.

Въ другомъ клубѣ, изъ разряда первоклассныхъ, одинъ изъ старшинъ привелъ въ клубъ и пропустилъ по своей рекомендаціи, какого-то инженера. Нѣсколько вечеровъ „инженеръ“ обыгрывалъ публику, а затѣмъ, одинъ изъ старыхъ игроковъ узналъ въ немъ извѣстнаго въ свое время шулера, давно отсутствующаго изъ столицы, гдѣ его знали всѣ.

Обнаружилось также, что для приданія себѣ

новаго ви́шняго вида, шулеръ изъ блондина превратился въ „жгучаго брюнета“, отрастилъ бороду и усы, и предсталъ передъ петербуржцами „инженеромъ“. Изъ клуба его, конечно, удалили. И этимъ исчерпали „инцидентъ“.

Одно время французы-гастролеры ввели въ петербургскихъ клубахъ игру въ баккара, вѣрнѣе — обыгрываніе въ баккара. И въ ихъ шулерствѣ участвовали заправила клуба.

Эта игра — баккара, требуетъ почему-то „крупье“, т. е. лицъ, специальность которыхъ заключается въ тасовкѣ картъ, расплатѣ съ участвующими въ игрѣ, словомъ, во всѣхъ манипуляціяхъ, кромѣ самаго процесса сдачи картъ, предоставляющагося банкомету-игроку.

Стоитъ видѣть „ловкость рукъ“ этихъ французъ-крупье! Это — художники шулерства. Они-то и обыгрывали публику навѣрняка, не говоря уже о томъ, что при расплатѣ они безбожно похищали принадлежащія банкомету деньги. Якобы для удобства расплаты, деньги замѣнялись костяными пластинками разнаго достоинства. Одинъ изъ этой банды экспроприаторовъ (ихъ было четверо) стоя позади „крупье“ обмѣнивалъ деньги на костяшки. Крупье же съ такой ловкостью каждый разъ „мѣнялъ“ у него, и, получая менѣе требуемаго коли-

чества котяшекъ, такъ ловко соединялъ ихъ въ общую кучу съ лежавшими ранѣе на столѣ, что самый опытный и вооруженный глазъ съ трудомъ замѣчалъ эти ловкія хищенія.

Дѣла французовъ были извѣстны заправиламъ клуба. Есть масса фактическихъ доказательствъ причастности „господъ“ старшинъ къ „операціямъ“ французовъ, арендовавшихъ поочередно все клубы для игры въ баккара.

Про одного изъ предсѣдателей крупнаго въ столицѣ клуба дѣйствующаго подъ громкимъ флагомъ „просвѣтителей народа“, открыто говорятъ, что онъ участвовалъ въ комбинаціяхъ, шелъ „въ долѣ“ у французовъ.

Вѣрить этому заставляютъ факты. Хотя вѣрить и не хотѣлось бы; слишкомъ извѣстенъ этотъ предсѣдатель не только въ столицѣ, но и всей читающей русской публикѣ; онъ въ нѣкоторомъ родѣ знаменитъ и одно имя его должно было, казалось, гарантировать абсолютную честность.

Но факты, печальные и прискорбные факты, ступенькають и прежнее имя, почетъ и бывшее уваженіе и уравнивають хотя и „почтеннаго“ старшину въ правахъ съ его коллегами изъ клубныхъ вертеповъ и притоновъ. Онъ оказался такимъ-же „чистоплотнымъ“ какъ и тѣ изъ заправилъ клу-

бовъ, которые къ карточному столу явились прямо со скамьи подсудимыхъ.

Но „уравненіе“ его въ правахъ со своими коллегами-заправилami неминуемо; измѣнится только обстановка: тѣ со скамьи подсудимыхъ шли въ клубъ, а этотъ — изъ клуба на скамью подсудимыхъ. И это въ недалекомъ, должно быть, будущемъ...

Избавиться отъ шулеровъ — задача, поистинѣ, нелегкая. Они имѣются во всѣхъ слояхъ населенія, ихъ трудно уличить, порою почти невозможно. Но отъ шулеровъ-профессионаловъ, извѣстныхъ всему играющему міру, шулеровъ, зарегистрированныхъ сыскнымъ отдѣленіемъ, такъ сказать, „официальныхъ“, отъ нихъ избавить можетъ только неподкупная честность заправиль клуба.

А ихъ то въ клубной средѣ днемъ съ фонаремъ не отыщешь. Въ составѣ любого совѣта старшинъ найдутся готовые на всевозможныя „комбинаціи“. Недаромъ же и окрестили ихъ званіемъ „совѣта нечестивыхъ“.

Въ эпоху гоненій на клубные вертепы, антрепренеры, открывая свои „учрежденія“, завѣдомо зная что ихъ постигнетъ участь предшествовавшихъ и однородныхъ по характеру клубовъ, увѣренные въ недолгосрочности своего существованія,

выписывали шулеровъ изъ другихъ городовъ: Москвы, Одессы, Кіева, Харькова и т. д., чтобы при ихъ посредствѣ успѣть обобрать публику въ нѣсколько дней.

И это одно время практиковалось очень широко.

Вообще, ни передъ чѣмъ не останавливались клубные антрепренеры,

Отчаявшись въ возможности долгосрочнаго существованія, нѣсколько довольно „извѣстныхъ“ клубныхъ заправиль, организаторы дачныхъ „обираловокъ“, закрытыхъ нынѣ администраціей, рѣшили сорвать кушъ. Раздобыли уставъ и явочнымъ порядкомъ открыли какое-то „общество“. Входъ объявленъ былъ, какъ въ добрыя прежнія времена, безпрепятственный для мужчинъ и женщинъ, съ платою по 1 рублю.

Алчные демимонденки, вынужденные съ закрытіемъ клубовъ ютиться по частнымъ „квартирамъ-клубамъ“ (частныхъ притоновъ азарта въ столицѣ развелось и существуетъ очень много) гурьбой повалили въ новое учрежденіе. Началась прежняя вакханалія Петровскихъ, Дмитровскихъ клубовъ.

Чтобы скрыться отъ администраціи хоть на нѣсколько дней, заправилы объявили рядъ „семейныхъ“ вечеровъ, начинавшихся съ 5 час. дня. И

подъ флагомъ этихъ вечеровъ началась игра въ макао и экартэ. Публика шла безъ разбора, кто только пожелаетъ. Входъ открытъ, да еще просить: пожалуйте къ намъ.

Естественно, что въ первый же день одна только входная плата дала до 1000 рублей. А кружечный сборъ, штрафы? Клубъ давалъ до $2\frac{1}{2}$ тысячъ въ день. Когда же спустя дня два, полиція явилась на ревизію, то оказалось, что тамъ, дѣйствительно, происходитъ нѣчто въ родъ „семеино-танцовальнаго“ вечера. Таперъ отколачивалъ на разстроенномъ инструментѣ вальсъ, юнецъ во фракѣ дирижировалъ „по французски“, и въ вихрѣ вальса кружились сотни паръ.

Такъ продолжалось пять дней. И только тогда обнаружилась истинная подоплека этихъ „семеинныхъ“ вечеровъ.

Полиція нагрянула со всѣхъ сторонъ и обнаружила слѣдующую картину:

Въ большомъ залѣ разставлены были столы, покрытые бѣлыми скатертями. Углемъ на нихъ были разрисованы обычные для карточныхъ столовъ рисунки: четыре радіуса поперекъ и кругъ посерединѣ. Оказывается, что при появленіи полиціи внизу при входѣ давался сигналъ (сигнализациія существуетъ во всѣхъ клубахъ), столы раз-

двигались, сидѣвшій наготовѣ таперъ начиналъ играть вальсъ, а вся играющая рать „араповъ“ и „этихъ дамъ“ начинала кружиться въ „вихрѣ“ его...

Это фактъ изъ недавняго прошлаго; случай этотъ имѣлъ мѣсто въ Петербургѣ въ началѣ марта 1909 года.

Клубъ этотъ прозвали „клубомъ сильныхъ ощущеній“—клубъ „гиньоля“...

Учрежденіе, конечно, закрыли. Этого и ждали заправилы, сорвавшіе въ пять дней кушъ въ нѣсколько тысячъ. Конечно, не только отъ официальныхъ доходовъ клуба: платы за входъ, штрафовъ, картъ, кружечнаго сбора. Нѣтъ! Главный доходъ были шулера-гастролеры, которымъ давно закрыть доступъ въ какой-бы то ни было клубъ-вертепъ. Заправилы воспользовались ихъ услугами всего на пять дней и удовлетворились.

И это въ столицѣ, въ центрѣ ея, на одной изъ самыхъ людныхъ и даже самыхъ шумныхъ улицъ. Что же творится на окраинахъ и въ дачныхъ мѣстностяхъ, гдѣ клубы, какъ грибы послѣ дождя, открываются одинъ за другимъ?

И чѣмъ такіе клубы отличаются отъ тайныхъ притоновъ, преслѣдуемыхъ закономъ?

Положительно, ничѣмъ; развѣ только своимъ „незаконнымъ обираи́емъ на законномъ основаніи“

У нихъ имѣется уставъ, легализованный подлежащей властью, и до раскрытія ихъ дѣйствій они дѣйствуютъ на основаніи своихъ уставовъ, открыто, безбоязненно и даже безнаказанно. У нихъ въ запасѣ по нѣсколько различныхъ уставовъ, ихъ закрываютъ—они открываются подъ новымъ флагомъ.

И такъ безъ конца, вотъ уже нѣсколько лѣтъ.

„Дачные“ клубы.

Если разсматривать столичные клубы-притоны по разрядамъ, то ихъ было три. Но дачные клубы ни подь одинъ изъ этихъ разрядовъ не подходятъ; опредѣленіемъ для нихъ можетъ служить только одинъ разрядъ, не выше десятаго.

Въ обыкновенныхъ дачахъ, состоящихъ изъ двухъ-трехъ комнатъ, открывался такой клубъ. Ничего, кромѣ карточныхъ разрисованныхъ столовъ и криковъ карточника: мѣсто! свободное мѣсто!—не напоминало клуба. Потолки, въ ростъ человѣка, висѣли надъ головами „мазчиковъ“, переходящихъ отъ одного стола къ другому, въ чайніи „швали“. (Швали,—или мѣста на швали—это боковыя, по обѣимъ сторонамъ отъ играющихъ мѣста). Игра въ такихъ клубахъ зимой и лѣтомъ начиналась съ полудня, весь вечеръ и всю ночь до поздняго утра, чаще всего до перваго поѣзда, отвозившаго клубменовъ въ Петербургъ.

Игра происходила при керосиновомъ освѣщеніи.

На случайнаго посѣтителя обстановка этихъ клубовъ дѣйствовала удручающе и производила впечатлѣніе настоящаго разбойничьяго притона.

Копоть, табачный дымъ, запахъ винныхъ паровъ, тяжелая атмосфера. Съ трудомъ можно было разглядѣть лица игроковъ на недалекомъ, въ небольшой комнатѣ, разстояніи. Лица потныя, закоптѣлыя, „эти дамы“ съ папиросами въ зубахъ, растрепанныя и не обращающія вниманія на порядокъ своего туалета; мужчины въ растрепанныхъ чувствахъ и разстегнутыхъ жилетахъ. Духота невыносимая.

И сквозь гущу этой атмосферы звонъ денегъ, унылый, тусклый звонъ, глухой, точно звонъ фальшивыхъ монетъ.

Побывавъ тутъ можно было составить себѣ приблизительное понятіе о разбойничьемъ притонѣ, когда шайка, оборудовавъ какое нибудь свое „дѣльце“ дѣлитъ барыши и кутить по случаю такого праздника.

Такъ все походило на многочисленныя описанія, которыя приходится читать, описанія въ мемуарахъ Горона, Хольмсовъ и Пинкертоновъ.

При первомъ взглядѣ на всю эту играющую толпу невольно возникалъ у васъ вопросъ: изъ

какой тюрьмы выпущены они и не бѣглецы ли это каторжники?

Игроковъ, даже посѣтителей столичныхъ клубовъ третьяго разряда, здѣсь не встрѣчалось. Контингентъ играющихъ—арапы, шулера, кокотки и профессиональныя проститутки. И все это другъ друга обыгрывало, игра велась, что называется, на большемъ умѣнни, какъ спортъ: кто кого „переигорить“...

Антрепренерамъ-же до этого и дѣла не было. Имъ важно было собирать входную плату, карточный, кружечный сборъ, чтобы вѣшалка и буфетъ работали.

И этимъ строго ограничивались ихъ функціи, если не считать ихъ участія въ обыгрываніи какого-нибудь богатаго игрока, завлечь котораго въ эти клубы возлагалось на „дамскую половину“ играющихъ. Шулерами и заправилами намѣчались „жертвы“ изъ знакомыхъ имъ столичныхъ крупныхъ игроковъ и какой-нибудь „Сонькѣ золотой ручкѣ“ или „Женькѣ-спляши“ поручалась „доставка“ этого игрока въ дачный клубъ.

И дѣло шло какъ на мази: обыгрывали, выдѣляли опредѣленный процентъ женщинѣ съ кличкой (у всѣхъ этихъ женщинъ есть клички и къ имени ихъ прибавляются эти различныя клички

порою очень замысловатыя) часть получали старшины—заправила, а остатокъ—шулера — исполнители-работники.

Такъ „дѣлали“ игру въ дачныхъ клубахъ.

Озерки, Шувалово, Парголово—клубныя гнѣзда. Здѣсь каждый разъ закрывалось и снова открывалось то-же учрежденіе подъ новымъ флагомъ. Борьба съ вертепами была безсильна.

И вытравленные, выведенные какъ пятна жидкостью, заправила организовали клубы въ Лиговѣ, Колпино, Стрѣльнѣ и Юкки. Ничто не останавливало отъ переполненія клубовъ столичными арапами. Въ Лигово, напримѣръ, они сначала собирались туго изъ за неудобствъ возвращенія оттуда. Поѣздъ отходилъ въ 1 часу ночи и имъ въ разгарѣ игры приходилось или бросать и уѣзжать, или оставаться до 7 час. утра. Вскорѣ это неудобство было устранено: игрокамъ выхлопотали разрѣшеніе проѣзда товарнымъ поѣздомъ въ 3 часа ночи, специально заказывали для нихъ автобусы, которые пріѣзжали изъ Петербурга въ Лигово и забирали игроковъ оттуда.

Но затруднительнѣе всего была поѣздка въ Юкки. Сюда поѣздъ не подходитъ и игроки со станціи ѣздили въ клубъ на лошадяхъ. Ихъ не пугали непогоды, проливные дожди, ничего. Впо-

слѣдствіи, клубъ установилъ дежурства автомобилей на станціи и въ нихъ игроки доставлялись въ клубъ и обратно на вокзалъ. Въ автомобиль усаживались 8 человекъ. Если же ихъ сразу прибывало болѣе восьми, то остальные, не дожидаясь возвращенія автомобиля за ними, шли пѣшкомъ нѣсколько верстъ въ клубъ.

Какъ курьезъ рассказываютъ: группа игроковъ—мужчинъ и женщинъ, прибывъ на вокзалъ и не заставъ автомобиля, ушли пѣшкомъ. Отойдя версту отъ станціи они расположились на травкѣ, достали карты и начали игру. Это было вдвойнѣ выгодно—не приходилось терять драгоценнаго времени, а главное—платить въ кружку, за карты и входъ. Пока автомобиль прибылъ, одинъ изъ нихъ обыгралъ остальныхъ и тѣ вмѣсто клуба пѣшкомъ вернулись на вокзалъ и имѣя въ запасѣ билеты „туда и обратно“,—вернулись въ столицу.

Вотъ до чего дошли увлеченія азартной игрой.

Одинъ за другимъ эти клубы прикрывали. Но они быстро возрождаются каждый разъ въ новомъ мѣстѣ вплоть до финляндской границы.

И не они ли, эти многочисленные игроки—причина повышенія тарифа на пригородныхъ желѣзныхъ дорогахъ? Не въ видѣ ли мѣры пресѣченія? Нѣтъ, ихъ никакой тарифъ не испугаетъ...

Лото.

Лото—эта невиннѣйшая дѣтская забава съ боченками, на которыхъ обозначены цифры, усиліями изобрѣтательныхъ клубныхъ паразитовъ-антрепренеровъ, превращена въ азартную игру.

Въ эпоху запрещенія азартныхъ игръ въ карты, эти злые геніи человѣческой нравственности—антрепренеры клубовъ—стали изобрѣтать всевозможные способы для поддержанія торговли въ своихъ лавочкахъ, для продолженія ихъ преступнаго способа наживы.

Сначала придумали домино, которое замѣнило карты. Камни домино (пластинки) сдавались по двѣ и подсчетъ велся тотъ же, что и при макао—съ девяткой. Когда же и домино запретили, ввели лото. Сначала доморощеннымъ способомъ—выкрикиваніемъ номеровъ изъ мѣшка, а затѣмъ уже завели и разныя другія техническія приспособленія, цѣлые аппараты: лото, вертящіеся и выбрасывающіе номера. Мало по малу лото уравнено въ

правахъ съ картами и для тѣхъ, кому доступъ въ карточные комнаты клубовъ закрытъ, какъ дамы и гости, созданъ новый видъ обираиія—лото. Создался скоро особый типъ „лотошницъ и лотошниковъ“. И за этой игрой люди проводятъ ночи, проигрываясь также какъ и въ карты. Клубы-же и тутъ не страдаютъ. Каждая ставка въ лото выдается выигравшему съ отчисленіемъ въ 10% въ пользу клуба.

Этотъ сборъ достигаетъ въ нѣкоторыхъ клубахъ нѣсколькихъ сотъ рублей въ ночь.

Не обходится, однако, и тутъ безъ мошенническихъ продѣлокъ. И здѣсь обнаружены были „злоупотребленія“ клубныхъ заправилъ. Въ одномъ изъ клубовъ, опредѣленная часть шариковъ была налита свинцомъ. Будучи тяжелѣе другихъ, эти шарики чаще выскакивали изъ аппарата. Карты, на которыхъ имѣлись однородныя съ цифрами на свинцовыхъ шарикахъ цифры, всегда были на рукахъ у директоровъ или близкихъ имъ лицъ, и, такимъ образомъ, выигрывали почти только они. Вѣрнѣе—обыгрывали остальныхъ играющихъ.

Въ другомъ клубѣ крупье отбиралъ пять шариковъ съ цифрами, взятой своими людьми карты и, поворачивая рупоръ аппарата выкрикивалъ не дѣйствительно вывалившійся номеръ, а заготов-

ленные за аппаратомъ пять номеровъ. Выигрывалъ, такимъ образомъ, и тутъ только свой директоръ, старшина или подставное отъ нихъ лицо.

Нынѣ досужій изобрѣтатель додумался даже до электрическаго лото, при которомъ „комбинаціи“ невозможны. Въмѣсто шариковъ — электрическіе провода, ударяющіе по номерамъ и открывающіе ихъ.

Но, надолго ли, это обезпеченіе? И не додумается-ли болѣе изобрѣтательный инженеръ, какой нибудь „директоръ“, до открытія нужныхъ ему для обыгрыванія номеровъ?

Надо полагать—додумается, это болѣе чѣмъ вѣроятно...

Кто въ выигрышѣ?

Кто въ клубахъ въ выигрышѣ?

На этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ: въ выигрышѣ—клубъ и никто кромѣ него.

Не говоря уже о томъ, что „счастливецъ“ весьма мало, или даже совсѣмъ нѣтъ, а если таковыя и имѣются, то-есть они въ выигрышѣ, то эти люди „сами дѣлаютъ свое счастье“; это игроки изъ тѣхъ, со стула которыхъ внезапно падаютъ карты, или изъ группы сидящихъ наготовѣ съ... „шоколадными коробками“.

Что въ выигрышѣ только клубъ—это можно доказать не только наглядными примѣрами разбогатѣнія клубныхъ антрепренеровъ, но и простымъ ариѳметическимъ вычисленіемъ.

Играющіе платятъ за все: за входъ, за карты, сборъ въ кружки (по рублю съ cadaго банка), платятъ даже за выходъ изъ клуба, такъ называемый штрафъ за пребываніе въ клубѣ позже 2 час. ночи.

Швейцары, плата за храненіе платья—это придаточная статья расхода.

Если закрыть игроковъ въ карточной комнатѣ, и дать имъ возможность безконечно играть, то они будутъ играть до тѣхъ поръ, пока все ихъ деньги перейдутъ постепенно въ [кружки, на плату за карты, а послѣдній игрокъ будетъ [метать банкъ на свой послѣдній рубль, который по клубнымъ правиламъ, долженъ будетъ опустить въ ту же бездонную кружку.

То-же и въ лото. Если закрыть играющихъ, то они будутъ играть до тѣхъ поръ, пока ихъ деньги постепенно уйдутъ въ пользу клуба на процентное (10⁰/₀) отчисленіе, а послѣдній играющій поставитъ свой послѣдній рубль, его же выиграетъ и получить обратно... только 90 коп.

Въ этомъ исчисленіи ничего не преувеличено. Недаромъ же антрепренеры клубовъ новѣйшей формации открываютъ банкирскія конторы, а старые клубы приобрѣтаютъ миллионныя дома, строятъ собственныя зданія въ нѣсколько миллионovъ рублей, и клубы имѣютъ состояніи въ банкахъ.

■ ■ ■ Для клубовъ и есть игра, клубы собственно и играютъ, играютъ хорошо, безъ риска проигрыша, даже болѣе—съ увѣренностью въ выигрышъ.

Да и какъ клубу не быть въ выигрышѣ? Игроки

вѣдь, такъ сказать, пушечное мясо для нихъ, средства къ обогащенію клубовъ, орудіе антрепренеровъ.

А если кто-нибудь изъ игроковъ и выиграетъ иногда, то будьте увѣрены, онъ деньги изъ клуба не унесетъ, а завтра, черезъ недѣлю, мѣсяць, принесетъ ихъ еще и съ лихвой, обязательно проиграется.

Случаевъ такихъ, въ видѣ примѣровъ, можно привести сколько угодно. Студентъ, выигравшій 200 тысячъ и тотъ вскорѣ принесъ все обратно. А въ видѣ процентовъ на этотъ капиталъ—отдалъ клубу разсудокъ: онъ сошелъ съ ума отъ потрясенія, отъ потери бывшихъ уже его собственностью денегъ.

И это не единичный случай.

Кто знаетъ клубную среду, жизнь игроковъ, тому примѣры не нужны, ибо клубный игрокъ знаетъ какъ правило: деньги изъ клуба далеко не уходятъ.

Вотъ при такомъ положеніи вещей невольно задаешь себѣ вопросъ: гдѣ-же тутъ желаніе, жажда наживы, которымъ упрекаютъ игроковъ?

Жажда эта, даже страсть, существуетъ, но не у игроковъ, а у клубныхъ заправиль, собирающихъ своихъ посѣтителей, что называется въ два конца:

легально — всѣми перечисленными налогами на игрока, и, нелегально — путемъ шулерскихъ операцій, мошенническихъ продѣлокъ съ лото и т. п.

И въ результатѣ въ выигрышѣ: антрепренеръ и шулеръ, шулеръ и антрепренеръ.

Кругомъ да около нихъ — арапы, эти двуногіе пресмыкающіеся, живущіе тѣмъ, что получаютъ за „молчаніе“, если они видятъ комбинацію, иногда за участіе въ подмѣнѣ картъ, такъ сказать — за перенесеніе „шоколадной коробки“ съ одной талии картъ на другую.

Вотъ изнанка клубовъ, ихъ оборотная, скрытая отъ общества, сторона, закулисныя тайны всѣхъ клубовъ безъ исключенія, этихъ деморализаторовъ общественной нравственности.

Все ясно безъ комментарій; ясна преступность этихъ вертеповъ, еще болѣе — тѣхъ, кто даетъ пищу для преступленій.

А даетъ ее общество. И вмѣсто отклика на призывъ: — долой азартъ, — общество продолжаетъ равнодушно любоваться въ шикарныхъ зданіяхъ клубовъ преступниками.

И, постепенно сливаясь съ ними, общество этимъ выдаетъ преступленіямъ права гражданства, а преступникамъ — гражданъ.

Не наканунѣ ли мы превращенія всего общества въ преступниковъ.

О! Тогда понятны будутъ клубы, существованіе клубовъ.

Они замѣнятъ нынѣ существующія тюрьмы и каторги, ссылки и поселенія.

Хороша перспектива,—нечего сказать...

Судьба игрока.

Судьба игроковъ весьма несложна.

Создавшійся за послѣднее время типъ клубовъ создалъ и своеобразный типъ игроковъ.

И это уже не „жертвы азарта“, а вѣрнѣе—прислужники его. Преимущественно изъ людей мало-состоятельныхъ, людей, живущихъ опредѣленнымъ заработкомъ, къ тому же, въ рѣдкихъ случаяхъ, большимъ, чѣмъ это требуетъ жизнь въ столицѣ, составился и составляется контингентъ игроковъ. Сначала изрѣдка, а затѣмъ уже все чаще и чаще, они начинаютъ посѣщать клубы и постепенно такъ втягиваются въ это дѣло, что оно становится уже необходимой потребностью.

Въ разговорѣ съ игроками всегда услышите:

— Я вѣдь не для выигрыша хожу въ клубъ, а такъ, знаете, скучно безъ картъ.

„Клубный фатъ“ — тотъ всегда оправдываетъ свое посѣщеніе клубовъ „необходимостью нервы потрепать“.

Но съ этимъ врядь ли можно согласиться.

Кто знаетъ клубную среду, игроковъ, тотъ только можетъ составить себѣ противоположное мнѣніе.

Игроки всѣ—нервные, раздражительные, желчные, порою до болѣзненности злые. Каждый игрокъ—это сплошной комъ нервовъ, нервовъ издерганныхъ и истрепанныхъ, не только не нуждающихся въ „трепаніи“, но настойчиво требующихъ себѣ отдыха.

Да и не мудрено это. Жизнь игроковъ до того ненормальна, что при встрѣчѣ съ сѣдовласыми стариками, гордящимися знаніемъ клубовъ, многолѣтнимъ посѣщеніемъ ихъ, удивляешься, какъ дожили они до этого возраста. Особенно тѣ, кто совмѣщаетъ клубъ со службой или другими занятіями. Для такихъ игроковъ сутки равны нѣсколькимъ часамъ. День проходитъ въ занятіяхъ, а вечеръ и вся ночь до ранняго утра — за картами.

Среди игроковъ много и такихъ, которые давно прекратили игру, азартъ пересталъ быть для нихъ забавой, потерялъ всю „прелесть“, ту прелесть, которую въ немъ находятъ многіе—прелесть трепанія нервовъ. И познавши весь смыслъ игры, убѣдившись въ безсмысленности ея какъ доход-

ной статьи, они рѣшили перестать быть „бѣлками въ клубномъ колесѣ“, въ которомъ выигрышь съ проигрышемъ чередуются съ отчаянной быстротой, въ конечномъ итогѣ своемъ обогащая только клубы.

Но и не играя, они такъ свыклись съ клубной атмосферой, клубъ сдѣлался для нихъ такой же необходимостью, какъ пища, воздухъ. И они продолжаютъ ежевечерно посѣщать клубъ, проводя по нѣсколько часовъ въ наблюденіи за игрой.

Другой типъ игроковъ—это тѣ же ежедневные посѣтители, приносящіе послѣдніе крохи на „алтарь азарта“—карточный столъ. Въ большинствѣ случаевъ они постоянно проигрываются, рѣдко имъ удается схватить небольшой кушъ и они удаляются изъ клуба „счастливые“ и съ надеждами на дальнѣйшее свое „счастье“. Для этого типа игроковъ, клубъ — пытка, порою сравнимая съ гильотиной.

Кому приходилось наблюдать за выраженіемъ лица игрока, когда его ставка, часто единственная, „бита“, тотъ надолго запомнитъ эти нервныя судороги, подергиванія, этотъ хамелеонъ всевозможнѣйшихъ оттѣнковъ на лицѣ, порою искажающихъ самое лицо.

Въ такія минуты ясно прочтете на лицахъ от-

чаянную злобу, злобу противъ себя, противъ всѣхъ окружающихъ, особенно по отношенію къ тому банкомету, кѣмъ его ставка, а съ нею, можетъ быть, завтрашній обѣдъ и многое, многое другое,— „убиты“.

Кому изъ клубныхъ игроковъ не приходилось видѣть такія лица? И кто изъ нихъ самъ не представлялъ объекта для подобныхъ наблюденій?

Заговорите „по душамъ“ въ такія минуты съ игрокомъ, и онъ по шаблону, какъ и другіе въ его положеніи, расскажетъ вамъ исторію своего, въ данную минуту, несчастья.

— Понимаете, деньги нужны до зарѣза; завтра за квартиру платить. Занялъ нѣсколько рублей, думалъ—выиграю. И о ужасъ! Проигралъ и заемъ.

— Что дѣлать? Что будетъ завтра?

Игроки изъ „матерыхъ“—тѣ въ такихъ случаяхъ утѣшаются: ничего, молоды, еще отыграетесь!..

Такое „сочувствіе“ временно исцѣляетъ, какъ бы даетъ бодрость завзятымъ игрокамъ. Кое-какъ вывернется онъ изъ „завтрашняго положенія“, опять приходитъ въ клубъ и временно, до слѣдующаго такого случая спокоенъ.

Въ выигрышѣ же такіе игроки почти никогда не бываютъ, и если даже имъ иногда и повезетъ,

то они не знают удержа. Рискуя малымъ, они, сравнительно часто, бываютъ въ выигрышѣ.

Но вѣра въ такъ называемую „полосу“ — вѣра въ то, что „насталъ полоса везенія“, они играютъ обыкновенно до полного проигрыша обратно всей суммы выигрыша, плюсь свои небольшія деньги и, занявъ „на извозчика“, оставляютъ клубъ въ убѣжденіи, что близится и вскорѣ настанетъ настоящая полоса везенія.

Иной всю жизнь ждетъ этой „полосы“ и такъ и уходитъ въ тотъ міръ, гдѣ нѣтъ ни картъ, и ни „везенія“, уходитъ въ сознаніи, что все же ему, наконецъ, повезетъ...

Такихъ игроковъ несмѣтное количество. Ежедневно приносятъ они частями весь свой заработокъ, проигрываются, уходятъ, опять являются. И въ результатѣ одинъ проигрышъ.

И такъ всю жизнь ждутъ они у карточной пристани азартнаго моря „погоды счастья“.

Остановиться, бросить „проклятую привычку“, какъ называютъ многіе свое увлеченіе азартомъ, этого почти никогда не бываетъ у игроковъ. И если они и прекращаютъ играть, то только временно, впредь до поправки своихъ дѣлъ настолько, чтобы туго натянутая на шею петля не затянулась бы плотнѣе, такъ, чтобы дышать стало невозможно.

И едва только петля становится слабѣе,—какъ игрокъ взялся за старое дѣло; опять клубы, ночи напролетъ за картами.

Часто въ обиходѣ у клубныхъ игроковъ услышите рѣдкое въ обыденной жизни и, по всей вѣроятности, берущее свое начало изъ клуба, выраженіе:

— У меня голова сохнетъ...

Это классическое клубное выраженіе. У игроковъ бываютъ моменты, и даже очень часто, когда отъ усиленнаго напряженія мысли, отъ постоянныхъ думъ о завтрашнемъ днѣ, атрофируются мозговья извилины и мысль перестаетъ работать, какъ будто все въ головѣ пересохло, испарилось. Тогда человѣкъ съ трудомъ соображаетъ, перестаетъ понимать самыя обыкновенныя вещи, становится близкимъ къ полному отупѣнію.

Такое состояніе часто бываетъ у игроковъ. И какъ нельзя болѣе удачно опредѣленіе такого состоянія выраженіемъ:—голова сохнетъ.

Судьба игрока настолько типична, что, описавъ детально любаго изъ нихъ, можно бы это описаніе примѣнить ко всѣмъ безъ исключенія, измѣнивъ только нѣкоторыя характерныя детали. Здоровый, полный силъ и энергіи молодой человѣкъ попадаетъ въ клубъ. Онъ начинаетъ играть въ карты.

Везеть или не везеть—это безразлично—отъ одной только атмосферы клуба, специфической и вредной, онъ начинаетъ „разлагаться“, разлагаться нравственно. Кучи денегъ, мелькающія въ глазахъ, къ которымъ онъ привыкаетъ, обезцѣнивають въ его понятіяхъ самую сущность ихъ.

И когда игрокъ говоритъ: деньги—дѣло наживное, то онъ этимъ отнюдь не думаетъ сказать, что ихъ можно нажить трудомъ, работой, примѣненіемъ тѣхъ или иныхъ его знаній и способностей къ труду. Нѣтъ. На языкѣ игрока это опредѣленіе имѣетъ совершенно иное значеніе.

„Деньги нажить можно выигрышемъ“.

И, не отступая въ своемъ кругозорѣ дальше „плоскости карточного стола“ онъ тутъ, и только тутъ, видитъ свое счастье, устройство своей жизни, благосостояніе.

Клубъ развращаетъ въ этомъ отношеніи, какъ никакой иной порокъ; человѣкъ становится расточительнымъ, вслѣдствіе необходимости часто унижаться теряетъ самолюбіе; на все кромѣ клуба игрокъ смотритъ какъ на придаточное обстоятельство и служба, занятіе—все это въ большинствѣ случаевъ для игрока только флагъ.

Можно указать массу случаевъ, гдѣ клубные игроки, чтобы не попасть въ категорію профессіо-

наловъ—игроковъ официально, стараются имѣть „родъ занятія“.

Одинъ числится „купцомъ“, платя гильдію, другой, будучи при средствахъ, пріобрѣтаетъ нѣсколько брилліантовъ, что даетъ ему право „числиться“ торгующимъ брилліантами.

Большинство-же „представляютъ“, т. е. берутъ представительства отъ всевозможныхъ фирмъ, конечно, чаще отъ такихъ, товары которыхъ въ распространѣніи или совершенно не нуждаются, или которымъ никакое распространѣніе ничего ровно дать не можетъ. Отсюда и преобладаніе въ клубахъ представителей... земледѣльческихъ машинъ, огнетушителей, страусовыхъ перьевъ и т. п. Нѣкоторымъ изъ клубныхъ игроковъ ихъ „представительства“ обходятся часто довольно дорого. Они, или просто платятъ за право именоваться представителемъ той или иной фирмы, или отдаютъ свои „товары“ по цѣнамъ ниже фабричныхъ. Это дѣлается изъ крайней необходимости „распространенія“ товара, безъ чего фирмѣ невыгоденъ агентъ и она можетъ отнять отъ него представительство. Про одного изъ такихъ представителей пуговицъ, рассказываютъ, что онъ ежегодно затрачиваетъ до 5 тысячъ на свое дѣло, отдавая за безцѣнокъ товаръ и часто храня у себя

цѣлые склады пуговиць, періодически выписываемыхъ имъ якобы по заказу покупателей.

Стоить только такому „представителю“ проиграться и онъ остается „не у дѣль“, при однихъ только пуговицахъ. Ясно, что главное и единственное его занятіе—клубъ; пуговицы же, это флагъ, его родъ занятія, ловко, „пристегиваемый“ къ дѣйствительному и единственному его занятію—картамъ.

Судьба такихъ игроковъ крайне печальна. Они періодически, то роскошно живутъ, то голодаютъ и носятъ цилиндры, на днѣ которыхъ имѣется штемпель судебного пристава, описавшаго цилиндръ за долги.

Такова участь большинства игроковъ, ихъ судьба... Тысячами гибнутъ они, погрузившись въ клубную тину...

Шулера.

Кадры шулеровъ, за послѣдніе годы сильно размножившихся, комплектуются изъ тѣхъ же игроковъ.

Какъ и игроки, шулера дѣлятся на категоріи: шулеровъ-джентельменовъ и шулеровъ второго разряда, заурядныхъ „ручныхъ дѣлъ мастеровъ“.

Послѣдніе въ большомъ количествѣ развелись и благоденствуютъ въ столичныхъ клубахъ. Игроки-завсегдатаи cadaго изъ нихъ знаютъ наперечетъ. И ихъ добычей, въ прямомъ значеніи этого слова, служатъ гости и рѣдкіе посѣтители клубовъ.

Какъ первые, такъ и шулера второй категоріи одинаково опасны, ибо тѣ и другіе играютъ навѣрняка и только наивные игроки несутъ на ихъ столы свои деньги, всегда, конечно, проигрываясь и объясняя это слѣпымъ счастьемъ этихъ господъ.

Но счастье это—только въ «ловкости» рукъ.

Про одного изъ такихъ шулеровъ въ клубной средѣ долго рассказывали, какъ бывая въ одномъ

изъ фешенебельныхъ клубовъ, онъ однажды «случайно» выронилъ изъ рукава цѣлую талію картъ.

Это послужило, конечно, мотивомъ къ воспрещенію ему посѣщеній клуба. Но не велика бѣда тутъ. Въ тотъ же день онъ перешелъ въ другой, не менѣе комфортабельный и претендующій на популярность, „интеллигентность и образованность“ общества, составляющаго постоянныхъ посѣтителей его и членовъ, — клубъ.

Его приняли въ число членовъ, вопреки пункту устава, трактующаго о томъ, что въ члены клуба допускаются исключительно, лица, допустимыя въ интеллигентномъ и образованномъ обществѣ. Но у заправиль клуба понятіе о допустимости въ эту среду, повидимому, своеобразное. Иначе и нельзя объяснить себѣ такого явнаго уклоненія отъ точнаго смысла устава.

Не менѣе извѣстенъ въ столицѣ играющему міру и другой типъ, кажется, зубной врачъ или дентистъ, которому, вотъ уже два года, безумно везетъ. Недавно еще онъ сидѣлъ „на швали“, рассчитывался за игроковъ, получалъ куши при выигрышѣ, не рискуя ничѣмъ въ случаѣ проигрыша.

А нынѣ онъ «почетный» гость во всѣхъ клубахъ, денежный игрокъ.

Нравственный уровень, понятіе о чести, самолюбіи, о человѣческомъ достоинствѣ, у такихъ типовъ совершенно отсутствуютъ.

Съ однимъ изъ нихъ приключился „казусъ“, привычный для шулеровъ. На глазахъ у многочисленныхъ игроковъ въ клубѣ, во время игры, ему нанесено было оскорбленіе дѣйствиємъ.

Но „чувствительность“ чужда этимъ типамъ, чужда, можетъ быть, потому, что въ душѣ они сознають, что и не такихъ еще обращеній они достойны. И получивъ пощечину при всемъ честномъ народѣ, послѣ краткаго объясненія съ оскорбителемъ въ комитетской, получившій пощечину, возвращаясь въ игорную комнату, заявилъ игрокамъ: „успокойтесь, инцидентъ исчерпанъ“...

А исчерпался инцидентъ потому только, что скандалъ грозилъ закрытіемъ клуба и старшины, боясь закрытія, „приказали“ оскорбленному примириться.

Отказать онъ, конечно, не могъ. Ибо для него закрытіе клуба, гдѣ его «игрѣ» не только не препятствуютъ, а явно покровительствуютъ, было мнѣе чѣмъ выгодно. Скрѣпя сердце онъ примирился съ оскорбленіемъ, примирился по требованію заправилъ и съ оскорбителемъ. Впослѣдствіи когда шутя кто либо вспоминалъ объ этомъ слу-

чаѣ, оскорбленный, въ удовлетвореніе собственнаго самолюбія, такъ разсказывалъ объ этой исторіи:

— Да! мы съ нимъ здорово... подрались. На самомъ же дѣлѣ здѣсь примѣненіе опредѣленія „драки“ фактически не соотвѣтствовало дѣйствительности, ибо наносилъ пощечину одинъ и принята она была безъ „возраженій“.

Среди шулеровъ есть не мало людей съ прошлымъ, опустившихся до самой низкой ступени клубнаго паденія, ставшихъ шулерами случайно.

Полные уголовщины, шулера, въ большинствѣ случаевъ стараются сохранить внѣшнее приличіе. Это необходимо во всѣхъ отношеніяхъ. Особенно необходимымъ условіемъ является это для шулеровъ-гастролеровъ, развѣзжающихъ по разнымъ городамъ и обыгрывающихъ довѣрчивыхъ провинціаловъ.

Необходимость примѣняться каждый разъ къ другимъ условіямъ, точно хамелеонъ мѣняя свое „положеніе“, требуетъ отъ шулеровъ-гастролеровъ большой изобрѣтательности и не меньшей находчивости.

Въ подтвержденіе приведу случай съ однимъ изъ шулеровъ, одно время изъ устъ въ уста передаваемый среди игроковъ. Шулеръ-гастролеръ намѣтилъ себѣ жертвой богатаго лѣсопромышлен-

ника въ Сибири. Сообщникъ его, такой же, собственно, шулеръ, какъ и онъ самъ, но исполняющій обязанности „наводчика“, (особая спеціальность) вступилъ въ переговоры съ лѣсопромышленникомъ, долго торговался о цѣнѣ, и, сойдясь, приблизительно, телеграфировалъ своему компаньону-шулеру, исполнявшему роль „покупателя“: дѣло налаживается, прїѣзжайте.

Тотъ немедленно, конечно, прибылъ. Было это зимой.

Прибывъ къ лѣсопромышленнику, мнимый покупатель пожелалъ увидѣть лично товаръ, который онъ покупаетъ. Отправились въ лѣсъ.

Начатая на дому у лѣсопромышленника комедія разыгрывалась до конца съ серьезностью, достойной лучшей участи. По грудь въ снѣгу, съ мѣркой въ рукахъ, съ видомъ дѣльца и знатока своего дѣла, шулеръ вымѣрлялъ чуть ли не каждое дерево, сопровождая серьезную свою работу всяческими дѣловыми замѣчаніями.

Такъ продолжалось весь день. Къ вечеру всѣ вернулись въ усадьбу лѣсопромышленника.

Тутъ то и разыгрался третій и послѣдній актъ комедіи. Послѣ долгихъ переговоровъ о цѣнѣ заключенъ былъ контрактъ на большую партію лѣса, сплавъ которой предназначался къ веснѣ. Ударили

по рукамъ, написали домашнее предварительное условіе, дали 1000 руб. задатка, и, какъ водится, выпили по этому случаю.

Намѣченная жертва, лѣсопромышленникъ, былъ страстнымъ любителемъ картъ. Онъ-то и предложилъ „сразиться по маленькой“.

„Покупатель“ и его „довѣренный“ (второй шулеръ) сначала отказывались, а затѣмъ, конечно, согласились. Цѣль, главная цѣль ихъ „покупки лѣса“, достигнута.

Началась „игра“. Шулера сначала проиграли нѣсколько сотъ рублей. Хозяинъ и всѣ домашніе, конечно, не рады были выигрышу;—неприлично, моль, гостей обыгрывать.

Но къ утру, ко времени отхода поѣзда, шулера успѣли сдѣлать свое дѣло. Свыше десяти тысячъ рублей наличными деньгами и чеками на банки были результатомъ „покупки лѣса“...

Бываютъ случаи, когда шулера попадаютъ въ довольно незавидныя положенія.

Извѣстный петербургскій шулеръ во время русско-японской войны гастролировалъ на Дальнемъ Востоку.

Однажды, сидя въ клубѣ за игорнымъ столомъ, его узналъ какой-то петербургскій офицеръ.

Желая предотвратить проигрышъ партнеровъ

шулера, офицеръ поочередно, записочками, оповѣстили трехъ игравшихъ, что четвертый ихъ партнеръ—шулеръ.

Послѣдній былъ уже въ приличномъ выигрышѣ. Каждый партнеръ, получивъ записку, съ безпкойствомъ, инстинктивно, взглядывалъ на шулера.

Сообразивъ, что тутъ что-то неладное, и догадавшись изъ намековъ игравшихъ съ нимъ, что имъ стало извѣстно кто ихъ партнеръ, шулеръ пустился на послѣднее средство—хитрость. Выйдя въ уборную онъ написалъ записку слѣдующаго содержания:

„Милостивый государь! Предупреждаю васъ, что три партнера вашихъ — пріѣзжіе шулера. Будьте осторожны“.

Вложивъ записку въ конвертъ, шулеръ адресовалъ ее себѣ и, передавъ служителю, приказалъ спустя нѣсколько минутъ подать ему этотъ конвертъ.

Вернувшись къ столу, онъ спокойно продолжалъ играть. Но... вдругъ ему подносятъ „письмо“.

Раскрывъ конвертъ, онъ начинаетъ читать, каждый разъ осматриваетъ поочередно всѣхъ трехъ своихъ партнеровъ, прячетъ письмо, опять достаетъ его изъ кармана, читаетъ нѣсколько разъ, будто

не соображая въ чемъ дѣло, и, наконецъ, заявляетъ партнерамъ:

— Простите, господа! Я очень извиняюсь. Но какъ человѣкъ пріѣзжій, не зная никого изъ мѣстныхъ обывателей, поставленъ сейчасъ въ крайне двусмысленное положеніе...

Разсказавъ о томъ, что сейчасъ онъ получилъ отъ „неизвѣстнаго“ письмо, заставляющее его прекратить игру, онъ долго отказывается, и, наконецъ, какъ бы краснѣя, сначала на словахъ, передаетъ содержаніе письма, а затѣмъ уже показываетъ и самое письмо.

Партнеры, конечно, въ изумленіи и по тождественности всѣхъ четырехъ писемъ, присланныхъ въ одинаковыхъ конвертахъ съ клубнымъ штемпелемъ, рѣшаютъ, что эта продѣлка ничто иное, какъ шутка, со стороны кого-нибудь изъ ихъ знакомыхъ.

Игра, конечно, прекращается. Всѣ смѣются „ловкой шуткѣ“, расплачиваются съ шулеромъ и онъ исчезаетъ.

Спустя нѣкоторое время послѣ его ухода оставшіеся трое игравшихъ съ шулеромъ рассказываютъ знакомымъ о томъ какъ надъ ними подшутили. Вскорѣ весь клубъ узналъ объ этой „шуткѣ“.

Тотъ, кто ничуть не шутилъ, сообщая имъ о

шулеръ, открываетъ свое инкогнито и подтверждаетъ свое первоначальное заявленіе.

Немедленно отправляются въ гостиницу, гдѣ обнаруживается, что, прописавшись по своей дѣйствительной фамиліи, которую назвалъ и офицеръ въ запискахъ къ тремъ игрокамъ, шулеръ въ клубъ прошелъ подъ другой фамиліей и въ теченіи недѣли обобралъ играющихъ тысячъ на двадцать.

Но его уже и слѣдъ простыль.

Изъ клуба онъ явился въ гостиницу, забралъ вещи и съ первымъ поѣздомъ выѣхалъ изъ города.

Выѣхалъ, конечно, въ другой, для продолженія своего занятія.

Впослѣдствіи этотъ шулеръ вернулся въ Петербургъ съ большимъ капиталомъ.

Быстро прожилъ онъ эти деньги. Такъ же быстро, какъ „нажилъ“ ихъ.

Объѣхавъ всю Россію, онъ нынѣ лишенъ возможности гастролировать за отсутствіемъ небольшихъ, хотя бы, средствъ, потребныхъ на мнимое представительство, на выдаваніе себя богатымъ купцомъ, лѣсопромышленникомъ или тому подобнымъ „дѣльцомъ“. Къ тому же всюду его уже знаютъ.

Столичные клубы закрыты для него. И если въ нѣкоторые изъ нихъ ему и открытъ доступъ, то

только подь условіемъ не садиться за игорный столъ, или вообще не принимать участія въ карточной игрѣ.

И вынужденный обстоятельствами, онъ пробивается „арапничествомъ“ или игрой въ лото.

Кто знаетъ, не примѣняетъ-ли онъ своей специальности и въ лото?

Извѣстно вѣдь, что шулера въ „слѣпое“ счастье не вѣрятъ, а только въ счастье, которое они создаютъ себѣ „ловкостью своихъ рукъ“...

Тутъ хоть и нѣтъ счастья, но зато есть полная увѣренность въ выигрышъ.

А имъ только этого и надо. Они не признаютъ игры для „процесса“, „времяпрепровожденія“ или „трепанія“ нервовъ.

Ихъ нервы достаточно истрепаны.

Вѣдь играя навѣрняка они часто находятся передъ лицомъ опасности быть уличенными въ шулерствѣ.

А этого страха для нервовъ болѣе чѣмъ достаточно.

И не потому-ли шулера въ большинствѣ случаевъ кончаютъ сумасшествіемъ?

Участь, которой врядъ-ли можно прельститься.

Борьба съ азартомъ.

Когда поднимается вопросъ о борьбѣ съ азартомъ, о борьбѣ съ тѣмъ зломъ которое вносить въ общество этотъ низменный порокъ—азартъ, общество оказывается безсильнымъ что либо сдѣлать въ этомъ направленіи.

Лучшимъ показателемъ тому служить постановленіе петербургскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ.

Отчаявшись въ возможности какими-либо иными средствами осуществить идею борьбы съ азартомъ, адвокаты вынуждены были прибѣгнуть къ репрессивнымъ мѣрамъ. Подъ страхомъ исключенія изъ корпораціи они запретили членамъ своего сословія играть въ азартныя игры.

Врядъ-ли такой способъ борьбы съ азартомъ можно признать рациональнымъ. Но онъ явился слѣдствіемъ настойчивой необходимости, той необходимости, которая иногда сознательно толкаетъ людей на крайности.

Въ арсеналѣ петербургскихъ адвокатовъ другихъ средствъ борьбы съ азартомъ не оказалось. Нѣтъ ихъ и въ нашемъ законодательствѣ.

Какой-то иностранецъ, присутствуя при разборѣ русскимъ судомъ дѣла о растратѣ однимъ изъ многочисленныхъ за послѣднее время растратчиковъ, искренно удивлялся тому, какъ защитникъ подсудимаго, распинаясь за своего подзащитнаго, взывалъ къ суду и присяжнымъ засѣдателямъ:

— Г.г. судьи и г.г. присяжные засѣдатели! Передъ вами не злостный растратчикъ, не преступникъ, а жертва азарта.

Тутъ же защитникъ нарисовалъ картину, приведшую его подзащитнаго на скамью подсудимыхъ, обычную въ такихъ случаяхъ картину: клубъ, маленькій выигрышъ, постепенное вовлеченіе въ азартъ, желаніе обогатиться...

Нѣсколько стереотипныхъ фразъ о безхарактерности, затѣмъ—рѣшеніе подсудимаго рискнуть чужими деньгами въ надеждѣ—„авось вывезетъ“, и въ результатѣ—скамья подсудимыхъ.

Иностранецъ слушалъ эту рѣчь и только плечами пожималъ.

Онъ удивлялся тому, какъ юристъ—законникъ, признавая растрату чужихъ денегъ преступленіемъ, не только не признавалъ таковой растрату путемъ

проигрыша въ карты, а убѣждалъ судей, что его подзащитный не злостный растратчикъ, не преступникъ. И этимъ самымъ онъ такую растрату признавалъ дѣяніемъ не преступнымъ, а чуть-ли не явленіемъ почти нормальнымъ.

Въ западныхъ странахъ, конечно, это не можетъ имѣть мѣста. Даже болѣе, путемъ проигрыша произведенныя растраты караются куда строже иныхъ растратъ.

Да и вообще, Западная Европа не имѣетъ представленія о такомъ массовомъ азартѣ, какой развился у насъ за послѣднее время.

И это не мудрено. У насъ, для того чтобы попасть въ клубъ почти ничего не требуется, кромѣ уплаты за входъ, или, въ худшемъ случаѣ, мѣсячнаго взноса въ 5 руб. Это въ клубахъ, старающихся изо всѣхъ силъ придерживаться, хотябы только для вида, строгихъ правилъ, предъявляемыхъ за послѣднее время администраціей.

И это даетъ возможность посѣщенія клубовъ каждому. Другое дѣло, положеніе о клубахъ за границей. Тамъ никакіе взносы, годичные, полугодичные или мѣсячные, не могутъ дать доступа въ клубы. Для посѣщенія клуба требуется цензъ, цензъ имущественный. Въ Германіи, на примѣръ, прежде нежели баллотироваться въ члены клуба,

или получить право посѣщенія клуба, даже временнаго, въ качествѣ гостя, необходимо представить документальныя данныя о своемъ имущественномъ положеніи.

Цензъ въ разныхъ клубахъ различный, но тѣмъ не менѣе довольно высокій. Каждый играющій или желающій играть, долженъ обладать состояніемъ въ нѣсколько тысячъ марокъ.

Введено это какъ правило, къ тому же узаконенное, съ цѣлью лишить доступа въ клубы малосостоятельную часть населенія. Въ основѣ этого правила лежитъ, конечно, принципъ предоставленія права участія въ игрѣ, исключительно, людямъ состоятельнымъ, имѣющимъ достатокъ и играющимъ не на жалкіе гроши, проигрышъ которыхъ былъ бы слишкомъ чувствителенъ для нихъ, или сопряженъ съ лишеніями необходимыхъ потребностей.

Если бы ввести этотъ принципъ и у насъ, установивъ имущественный цензъ для игроковъ, то девять десятыхъ игроковъ не могли бы попасть въ клубы, а клубы новѣйшей формаціи, живущіе, исключительно, среднимъ игрокомъ, вынуждены были бы прекратить свое, нынѣ преступное, существованіе.

Нѣсколько клубовъ, конечно, функціонировали бы, но при совершенно другихъ условіяхъ. Число

играющихъ не только значительно сократилось-бы, но измѣнился бы и контингентъ ихъ. Играть стали бы тогда только тѣ, кто, если вообще считать, что проигрывать кто нибудь имѣеть право, хотя бы моральное, этимъ правомъ бы пользовались. Это тѣ слои населенія, для которыхъ проигрышъ не связанъ тѣсно съ завтрашнимъ обѣдомъ, уплатой за квартиру или даже болѣе существенной необходимостью.

Въ нѣкоторыхъ государствахъ члены клуба обязаны вносить опредѣленную сумму денегъ въ видѣ мертваго капитала, съ котораго имъ выдаются только проценты. Если же игрокъ доиграется до того, что ему приходится прибѣгнуть къ этому мертвому капиталу, то съ того времени онъ теряетъ прежнія свои права, перестаетъ числиться членомъ клуба, а слѣдовательно, теряетъ право играть въ карты.

Попробуйте у насъ установить хотя-бы небольшой имущественный цензъ и... клубы опустѣютъ, игроковъ не станетъ.

Не есть ли это лучший показатель полной несостоятельности, порою даже бѣдности играющей массы.

Цензъ въ 500 рублей, ничтожный, сравнительно, съ цензомъ въ заграничныхъ клубахъ, опустошилъ

бы всѣ наши „милыя учрежденія“, культивирующія азартъ въ широкихъ слояхъ населенія.

Много разъ, правда, азартъ пытались уложить въ рамки законности, предполагались различныя правила для играющихъ. Но всѣ они не шли дальше установленія какой нибудь новой игры, по характеру своему менѣ азартной нынѣ практикующихся и введенныхъ въ клубахъ, какъ экартэ, макао, желѣзная дорога и баккара.

Но не установленіемъ игры возможно достиженіе сокращенія или урегулированіе азарта.

Наивно полагать, что игры существуютъ азартныя и неазартныя.

Заправили столичныхъ клубовъ лучше всего доказали это. На что ужъ невинная забава лото, и ту съумѣли превратить въ азартную игру. Разрѣшите оффиціально игру „въ дурачки“, которой забавляются деревенскіе старики и дѣти, и, вскорѣ она превратится въ родъ макао или экартэ.

Слѣдовательно, не въ сущности игръ здѣсь дѣло, а въ способѣ доступа къ этимъ играмъ.

И только установленіемъ имущественнаго ценза борьба съ азартомъ достижима. Иные способы не могутъ привести ни къ какимъ результатамъ.

Это показала практика послѣдняго времени.

Борьба съ клубами ведется весьма энергичная,

а результатовъ никакихъ. Для заправиль клубовъ не существуетъ препятствій; энергичнымъ преслѣдованіямъ клубовъ, всевозможнымъ репрессіямъ, они противопоставляютъ еще болѣе энергичную свою дѣятельность противъ борьбы съ азартомъ, прибѣгая къ всевозможнѣйшимъ обходамъ законовъ.

И въ этой, хотя и неравной борьбѣ, они все же, къ великому сожалѣнію, выходятъ побѣдителями.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
Вмѣсто предисловія	3
Азартъ	11
Разсадники азарта	14
Организація клубовъ	21
„Игроки“ и клубные нравы	25
«Арапы»	29
Жертвы азарта	36
«Больные люди»	41
Клубныя дамы	46
За кулисами клубовъ.	51
„Дачные клубы“	64
Лото	69
Кто въ выигрышѣ?	72
Судьба игрока	76
Шулера	86
Борьба съ азартомъ	96
